

АЛЛА ПОЛЮЖНСКАЯ

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

УДЕРЖАТЬСЯ
НА КРАЮ

Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы

Алла Полянская

Удержаться на краю

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полянская А.

Удержаться на краю / А. Полянская — «Эксмо»,
2021 — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы)

ISBN 978-5-04-103818-2

Люба давно не общалась со своей сестрой Надей и была шокирована ее внезапной смертью. Надя была очень талантливой художницей и вела сомнительный образ жизни, но что с ней могло случиться? Придя в квартиру сестры, Люба познакомилась с ее соседкой Милой. И надо же было такому случиться: вскоре после их знакомства Мила стала жертвой покушения, только своевременное вмешательство Любы спасло ей жизнь. Теперь Мила в коме, лежит в реанимации и пока не может ничего рассказать. А Люба теряется в догадках: связаны ли между собой эти преступления, ведь сестра, как выяснилось, тоже была убита. И не угрожает ли опасность ей самой, ведь в последнее время Люба тоже чувствует слезку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103818-2

© Полянская А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
2	10
3	20
4	31
5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алла Полянская

Удержаться на краю

Copyright © PR-Prime Company, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Внутри каждого из нас скрывается ребенок, которым мы когда-то были. Он – основа того, кем мы стали, кто мы и кем будем.

Д-р Р. Джозеф

1

Ночи все разные.

Бруно любит, когда за окном, например, метель, а он дома, и все, кого он любит, тоже.

И летние ночи хороши, если пойти, например, гулять к реке, брести вдоль кромки, ощущая запах воды, прислушиваясь к шороху песка, а рядом идет его человек.

Идти и знать: сколько бы ни шли, всегда можно вернуться домой, там безопасность и уют. Его Стая, которая не предаст, за которую он готов драться со всем миром.

И другие ночи, расцвеченные огнями города, который никогда не спит, – они тоже хороши, хотя без осенних луж вполне можно обойтись.

А бывают ночи, как эта, – невесть где, в странных и опасных местах, пахнущих смертью, разрухой и запустением. И такие ночи Бруно не любит, да и за что их любить?

Бруно вздохнул и прислушался. Где-то очень далеко слышен шум города, но здесь, в пустом доме – если разрушенную выгоревшую коробку посреди леса можно так назвать, – тишина липкая и неживая. Тишина ведь тоже бывает разная, граждане. Вот, например, тишина в квартире, когда все спят, но большой дом все равно живой: кто-то из соседей протопал на кухню, где-то плачет ребенок, за окном проезжают машины – такой тишины подавайте сколько угодно, это отличная вещь. Или даже тишина утренней реки, когда город ворочается, пробуждаясь, на песок тихонько накатывают прозрачные волны и какие-то пернатые мизантропы заводят в ветках акации нытье «худо тут! худо тут! худо тут!». Но совершенно не худо, а, наоборот, отлично и свежо, мальки резвятся на отмели, в камышах взлетают стрекозы – разве это худо?

А вот здесь – да, худо. И тишина здесь опасная и колючая. Она сочится из трещин в кирпичной кладке, путается в паутине, покрытой пылью, – люди давно ушли отсюда, и огонь тоже, и пауки, которые сплели по углам тонны паутины, ушли, потому что этот дом действует на нервы, а даже у пауков есть нервы.

Бруно тряхнул головой, словно избавляясь от наваждения, – он должен быть здесь, что ж.

И ведь не сказать, что в этих руинах не бывает людей – нет, они сюда заходят, об этом свидетельствуют различные запахи, предметы, разбросанные по полу, рисунки на закопченных стенах и многое другое. Да, люди тут бывают, но вряд ли это хорошо.

Простая и внятная картина мира ротвейлера Бруно не предполагала сомнений. И метания его приятеля, рыжего мордатого кота Декстера, его постоянный поиск чего-то, что есть где-то там, и это «там» обязательно лучше, чем то, что есть здесь, были для него логическим тупиком. Вот говорит хозяйка идти с ней, он идет, и какая разница куда. Главное, что рядом с той, кого любит всей своей собачьей душой и готов защищать до последней капли крови. Все просто: велит идти – идет, велит остаться дома – что ж, так тому и быть, и хотя недовольство глохнет, а спорить с хозяйкой он не будет. Так правильно, и в Стае по-другому не бывает.

Но проблема в том, что Декстер сам считает себя хозяином и вожаком Стаи, он ведет себя так, словно квартира, все, кто ее населяет, и все, что в ней есть, принадлежат ему. Декстер уверен, что даже отливы и приливы, положение Солнца на эклипнике зависят от его желания и существуют лишь потому, что он так решил. И этого Бруно не понимает.

– Бруно, иди сюда.

Пес подошел, осторожно переступая лапами – пол этого дома был усеян какими-то осколками. Не стекло и нет острых краев, но наступать неприятно.

– Сиди тут.

Бруно покорно уселся, вдыхая запах хозяйки и думая о том, что неплохо было бы сейчас перекусить, да только неизвестно, когда это случится.

– Держи.

Собацьи печеньки – любимое лакомство. Бруно ткнулся мордой в ладонь хозяйки и благодарно вздохнул. Все-таки она лучшая в мире: вот как догадалась, что он не прочь перекусить?

Хозяйка стоит на коленях около каменной стены с выступом, пахнущим гарью. Она посветила фонариком внутрь закопченной дыры, которую пробила в стене, потом, удовлетворенно хмыкнув, надела резиновую перчатку, сунула руку в отверстие и достала оттуда сверток. Дыра воняет застарелой сырой гарью, и чему так рада хозяйка, Бруно не понимает.

– Ну, порядок, Предмет у нас.

Хозяйка уложила Предмет в пластиковый контейнер, запихнула его в рюкзак, собрала инструмент, освещая себе пространство небольшим фонариком, и Бруно понял – скоро домой.

– Давай, мальчик, поехали домой.

Поехали – это сильно сказано. Машину они оставили довольно далеко отсюда, но Бруно не устал.

Вот только идти сейчас никуда не надо, потому что он слышит звук, который тревожит его, и он тихонько рыкнул, давая знать хозяйке, что путь небезопасен.

– Что?

Они понимают друг друга с полуслова – если можно считать словами собачье рычание. Но Бруно об этом не думает: есть понимание, чего ж еще-то. Это Декс ужасно обижается, когда хозяйка не улавливает мгновенно, чего он желает, но Декса вообще понять сложно, иногда он делается капризным и мстительно нападает на всех из-за угла, норовя при этом поцарапать – не сильно, а так, для порядка. Бруно только удивленно смотрит на приятеля, не понимая, зачем он все это делает, учитывая обстоятельства, но хозяйка тогда берет Декстера на руки и воркует что-то нежное, пока тот вырывается из ее рук и, развернувшись хвостом ко всему миру, принимается демонстрировать свое интеллектуальное и эстетическое превосходство над всеми в принципе.

Бруно в такие моменты считает, что Декстер просто наглая зажавшаяся скотина, но в отношении хозяйки и Декстера он не вмешивается.

А сейчас он напрягся: знает, что звуки, которые доносятся извне, могут нести с собой опасность.

– Тихо, мальчик.

Хозяйка прислушалась. Бруно знает, что ее слух очень хорош для человека, но ни с ним, ни даже с Декстером ей не сравниться. И то, что приближается, она сейчас слышать не может.

– Ладно, идем.

Они нырнули в темноту, двинулись по замусоренному коридору, и Бруно слышит, как звук все приближается. Им бы сейчас нужно поскорей выйти из этого умершего дома, добраться до машины и уехать, но он понимает, что они не успеют. Зато теперь хозяйка тоже слышит звук, и она примет нужное решение. Бруно привык всецело полагаться на нее, вот и теперь послушно замер, прислушиваясь.

– Может, проедут мимо...

Бруно снова коротко рыкнул – ему хочется уйти, в развалинах воняет опасностью. Он уже привык, что их с хозяйкой путь частенько лежит по разным руинам, пустующим домам или невесть где расположенным кладбищам. Просто эти развалины тревожат его, потому что запахи, которые его чувствительный нос уловил, вызывают в нем желание тоскливо завывать.

Но он давно научился подавлять свои естественные реакции. Вот Декстер вообще не заморачивается: захотел заорать истошным мявом – и заорал, ни в чем себе не отказывая, пусть весь мир подождет. Но, конечно, если он правит Вселенной... хотя, что такое Вселенная, Бруно не знает, и если этим правят, просто свернувшись клубком на подушке, значит, ничего сложного в этой самой Вселенной нет, любой так сможет.

Они уже добрались до лестницы, когда стало ясно, что уйти им не удастся.

– Вот черт...

Бруно понимает, что хозяйка встревожена. Он и сам встревожен, потому что внизу, на первом этаже, слышны голоса, шаги, загорелись огни, потянуло дымом, и запах чужих людей смешивается с запахом дыма и свежей крови, а уж этот запах ни с чем не спутаешь. Бруно придвинулся совсем близко к хозяйке, они замерли в темноте, за каменной балюстрадой, и Бруно почувствовал, как рука хозяйки легонько сжала его пасть.

– Тихо, мальчик, тихо...

Внизу разгорается оранжевый хищный свет – кто-то поджиг железную бочку, плеснув туда бензина. Там несколько таких бочек, и в них ничего, кроме каких-то тряпок и мусора. Эти чужие люди ссорятся, что-то кричат, кто-то стонет, а хозяйка снимает на телефон все, что происходит, другой рукой прижимая к себе голову Бруно.

Только он и сам знает, что надо молчать, хотя все его инстинкты говорят о том, что надо рычать и лаять, прогонять этих людей.

Потом все вдруг закончилось, и Бруно беспокойно заворочался: его нос уловил то, от чего шерсть на затылке встала дыбом, – запах горелого мяса. Он понимает, что произошло нечто скверное, но хозяйка стискивает его морду, прижав к своему боку, и Бруно изо всех сил вдыхает аромат ее тела, знакомый с детства, к которому примешался запах их дома, машины, собачьих печенок и корма Декстера. Запах покоя и безопасности, запах Стаи.

Хозяйка бежит вниз по ступенькам. Кто-то горит, и она срывает с себя куртку, сбивает пламя, гасит его – уже видно, что лежащий человек только начал гореть, больше пострадала одежда, и хозяйка достает из сумки бутылку с водой, поливает голову человека. Она встревожена и потеряла бдительность, но Бруно все равно начеку. Кто-то подходит сзади, и хозяйка этого не слышит. Но он слышит, он знает, что этот человек пахнет опасностью, сталью, мерзким дымом, который люди выпускают из горящих палочек, пахнет застарелым потом и нестираной одеждой. И Бруно, извернувшись, молча бросается на этого человека. Здесь он принимает решения, это решение очень правильное, и хотя что-то острое бьет его в бок, обжигая болью, Бруно вцепился в горло нападающему.

Все это произошло в абсолютной тишине, и хозяйка не успела ничего понять, но когда поняла...

– Ах ты сволочь!

Она взбежала по ступенькам и отбросила ногой остро заточенный предмет, Бруно чувствует боль в боку, его лапы слабеют.

– Держись, мальчик, только держись!

Бруно чувствует, как хозяйка осторожно касается его раны, потом полилось что-то прохладное, и кровь перестала сочиться по лапам.

– Давай-ка я мордашу тебе умою, а то невесть какая зараза могла быть у этого уroda.

Вода прохладная, Бруно пьет, и скоро это просто вода, без примеси чужой крови.

– Теперь попробуем добраться до машины.

Хозяйка достает из рюкзака плотную ткань, в которой обычно носит громоздкие предметы, перекачивает Бруно на нее и поднимает с видимым усилием.

– Тяжел ты, брат, но я дотащу, держись.

Она спускается, каждый шаг отдает болью в ране, но Бруно терпит. Он знает, что чужих уже нет, и только тошнотворный запах горелой плоти забивает запах хозяйки.

– Потерпи, малыш, только не умирай, ладно?

Бруно хочет пить, но он терпит, понимая, что сейчас именно от действий хозяйки зависят их жизни.

Тьма окутала их, запах горелой плоти отдалился. Где-то в зарослях их машина, он чувствует ее запах, но темно, и хозяйка тащит его на плечах. Если бы он понимал в мерах весов, то знал бы, что весит почти шестьдесят килограммов, а это значит, что даже для своей породы, объединяющей больших сильных собак, он великан.

– Потерпи...

Бруно ощущает знакомый запах их дома на колесах, хозяйка устраивает его на заднем сиденье, снова поит с ладошки и, подсветив фонариком, осматривает рану в боку.

– Паршиво... но ты потерпи, малыш, я сейчас. Не бросать же его там...

Хозяйка исчезает в темноте, и Бруно скулит в тоске. Время остановилось, боль накатила снова, и рана кровоточит.

– Я здесь, малыш, я здесь!

Хозяйка говорит так, словно тоже держится из последних сил, и это так, потому что обгоревшее тело она нести не может, а просто тащит его, но и это тяжело. Она открыла багажник и с трудом погрузила туда тело, воняющее горелым.

– Ничего, я сейчас, потерпи!

Бруно ощущает каждый толчок сердца, каждую неровность на проселочной дороге, но сейчас ему кажется, что он вернулся в свою самую первую Стаю, где были мать и четверо братьев и сестер. Он вдруг так сильно затосковал по своей хозяйке, по их дому, где в теплоте и уюте они жили под надзором Декстера, и даже понимание Вселенной почти пришло к нему, но его душа так рвалась в этот их общий дом, что он открыл глаза.

– Ну, боец. – Голос незнакомый, но руки хозяйки на его голове, и Бруно спокоен. – Крови много потерял, а так-то будет теперь в порядке. Быстро привезла. Это где ж его так угораздило?

– Железка торчала из земли. В зарослях.

Бруно хочет пить, и он впервые заскулил, потому что жажда совершенно нестерпима.

– Можно его напоить?

– Конечно.

Незнакомый голос принадлежит мужчине, Бруно умеет отличать запахи женщин и мужчин, и запахи, которые издают мужчины, ему не нравятся. Вот и этот человек пахнет неприятно, как и все помещение: примерно так, как то место, где ему делают прививки... но по-другому. И сквозь запах места прорывается собственный запах этого человека. Бруно этого человека уже знает, он не опасен.

Просто место незнакомое. Здесь нет запаха других собак или котов, а уж запах котов он отлично знает – Декстер ни за что не даст забыть.

– А домой ему уже можно? Ленка, он совсем плох, по-моему...

– Нужно. Мила, если меня застанут здесь в вашей компании, то уволят с «волчьим билетом». Грузим парня на каталку и везем к машине. А завтра я приеду, посмотрю.

– С «волчьим билетом», говоришь...

Огромный мужик в зеленой хирургической пижаме стоит в дверях. Бруно видит его сквозь пелену боли, но пахнет этот человек не угрожающе, от него исходят волны покоя и надежности.

– Ножевое ранение. – Пальцы вошедшего ощупали раненый бок. – Рентген?

– Вот... легкое не задето.

– А плевральная область? Так, кровь откачали, но откуда-то она снова набирается, что ж ты зашил, интерн? Не слышишь, как дышит пациент? Чего замер, на стол его сейчас же! А ты... сиди тут. Держи его, чтоб он чувствовал тебя. Леонид, давай-ка Ларису зови сюда, ассистировать надо, а я пока наркоз... Сколько весит пациент?

Бруно чувствует, что уплывает, и только знакомый запах рук хозяйки держит его на берегу, не давая нырнуть в темный поток, который вдруг оказался прямо у передних лап, его холодное касание он ощущает при каждом всплеске черной маслянистой воды. Но теплые руки, пахнущие домом и чем-то самым важным в жизни, держат его на берегу и не дают упасть, и он держится всеми лапами на крохотном скользком островке, провонявшем кровью и сталью.

2

Когда случается несчастье, мир вокруг замирает. Вот там где-то бродят люди, у них свои дела, они беседуют, смеются, покупают глазированные сырки, договариваются о встречах, беззаботно сидят в кафе... В общем, лодка плывет.

Но где-то есть дом, где тишина, тьма, отчаяние. И ощущение живущего своей жизнью города усиливает ощущение катастрофы, особенно если помощи ждать неоткуда.

– Выносим.

Два крупных парня, бритых наголо, подняли носилки, тело качнулось, длинная прядь волос свесилась с носилок.

– Вот же.

Это распорядитель, пришедший договариваться о похоронах, выразил неудовольствие. Но, взяв себя в руки, он выудил из кармана запаянный пакетик одноразовых перчаток, натянул их на костлявые кисти с длинными желтоватыми пальцами и вернул прядь под простыню. Даже не поморщился.

Входная дверь закрылась за санитарями. Люба посмотрела на распорядителя – они остались только вдвоем, и сейчас особенно остро ощущалось, что мир вокруг бушует звуками и красками, а они стоят посреди глаза урагана, остановившись во времени и пространстве, и только завешанное простыней зеркало свидетельствует о том, что случилось нечто непоправимое.

– Значит, я вам сейчас покажу наш каталог, тут картиночки у меня, приличный гробик можно найти вполне бюджетный. – Распорядитель сочувственно вздохнул. – Веночки у нас есть отличные, тоже недорого встанут, вам же не нужен веночек из натуральных цветочков, а я бы обратил ваше внимание вот на эти, если взять штук шесть, выйдет скидочка и выглядеть будет прилично.

Эта его манера применять уменьшительные формы имен существительных в отношении слов, обозначающих вещи, не совместимые ни с каким панибратством, вызывала у Любы судорожное отторжение, потому что – вот же, вынесли на носилках Надю, ее сестру и до какого-то момента лучшую подружку, хотя сейчас это просто застывшее тело с судорожно поджатыми руками. Люба стоит в ее квартире, полной пыли, грязной посуды и недописанных картин, и ощущение непоправимости произошедшего смешалось с облегчением, потому что многолетний кошмар закончился, пусть даже таким страшным образом.

– Хорошо, так и сделаем. – Люба старается не смотреть на распорядителя, который аккуратно снял перчатки и спрятал их в карман. – А... остальное?

– Ямку выкопаем, сегодня же распоряжусь, столовая для поминального обеда в здании ткацкого профтехучилища, меню самое обычное, разве что вы хотите добавить какие-то дополнительные блюда.

– Нет, самое обычное меня устроит.

– Разумно. – Распорядитель оглядел квартиру. – На сколько персон заказываем обед?

– Не знаю... – Люба задумалась. – Я понятия не имею, с кем она общалась, что за люди сюда приходили, а родственников у нас... да, человек пять, и все ли они придут...

– Тогда позвольте, я дам вам совет. – Распорядитель вздохнул. – Судя по всему, те люди, с которыми общалась покойная, совсем не вашего круга, и поверьте мне, знакомиться с ними вам абсолютно ни к чему. А потому – просто накройте столик дома, посидите с родственниками, и все. Зачем вам эти расходы? Сестрице уже ничем не помочь, а вам накладно выйдет. И квартирку эту я бы вам советовал на месяц-другой закрыть – только замочки смените, а то мало ли у кого есть ключики, тут брать нечего, а вот какое-нибудь хулиганство запросто может

выйти, лишнее вам беспокойство. Если хотите, я сейчас позвоню человечку, он придет, все прямо сейчас организует – и ключики сразу вам отдаст.

– Спасибо, вы абсолютно правы. – Люба наконец почувствовала, что обрела почву под ногами. – Так и сделаю.

– Очень хорошо. – Распорядитель достал из кармана телефон и набрал номер. Скорбное выражение, казалось, застыло на его лице навечно. – Гоша, это Никонов. Можешь говорить?

Люба отошла к окну и выглянула на просторный балкон. Он был не застеклен, забит каким-то хламом, и она с тоской подумала, что разгрести эти завалы придется в противочумном костюме.

– Ну, все. – Распорядитель тронул ее за руку. – В течение часа подъедет человек, зовут его Георгий Крушельницкий, я дал ему ваш номерочек. Когда будет у дверки, он вам позвонит, а больше никому не открывайте, как бы еще беды какой не вышло, мало ли кто может сюда заявиться, вам эти визитеры, ей-богу, ни к чему. Надо же, как жизнь иногда шутит странно, ведь вы с сестрицей близнецы?

– Погодки.

– Это двойняшки обычно так похожи, а тут... Хотя, конечно, в последние годы сходства, видимо, поубавилось, а все же. Что ж, Любочка Дмитриевна, держитесь. А я вам буду звонить, предварительно похороны завтра в одиннадцать утра, но я еще уточню ближе к вечеру. В общем, на связи.

Он ушел, деловито поправляя на ходу бумаги, а Люба обреченно огляделась. Квартира, которую приобрела Надя после продажи родительского дома, представляла собой двухкомнатную берлогу в старом доме с высокими потолками, узкими окнами и широкими подоконниками. Огромное окно-панорама, перед которым она писала свои картины, а оттуда дверь на открытую лоджию, заваленную хламом.

Конечно, Надя тогда забрала бо́льшую часть денег. Она всегда брала все, что хотела, – папино внимание, бабушкино терпение, ее, Любину, привязанность – и считала, что так и должно быть. Вот и тогда она отсчитала Любе сумму, которой хватало лишь на маленькую однокомнатную «хрущевку» на бульваре Центральном, убитую в хлам, под самой крышей, а сама спрятала оставшиеся деньги в рюкзак, буркнула «пока, увидимся» и была такова.

К тому времени сестры почти не разговаривали.

Надя злилась, что Люба не хочет принимать ее друзей, не понимает ее живописи, одевается «как дура», вышла замуж за «это ничтожество», родила ребенка – «трижды никому не нужное отродье» – и вообще превратилась в наседку.

«За трижды ненужное отродье» Люба взвилась до небес.

Надя могла поливать грязью кого угодно, и спорить Люба не считала нужным, просто потому, что вообще не понимала, зачем спорить с этой чужой женщиной, вечно озлобленной, всем недовольной, рисующей гнилое мясо, трупы и кладбища. Бог с ней, не с кем там спорить. Но трогать ее сына никто права не имеет и уж тем более – называть его ненужным отродьем. Этого Люба стерпеть не могла, и тогда, три года назад, состоялся ее последний разговор с Надей. Разрыв был окончательный, она просто вычеркнула сестру из списка живых.

Но Люба понимала: отчасти она сама виновата в том, что Надя посмела все это сказать. Люба с детства привыкла к тому, что Надя руководит их совместным житьем-бытьем. Когда-то они были одним целым – одна начинала что-то говорить, а вторая уже знала, что скажет сестра. Когда еще была жива мама, они вместе играли в их общей комнате, и никакие подружки им были не нужны. Когда не стало мамы, они вместе плакали, жизнь стала другой, и Надя на правах старшей стала как бы вместо мамы: она решала, какую передачу смотреть, какие книги читать, что они наденут.

Они росли, и Надя продолжала решать все за них обеих. Например, то, что идут они не на пляж или в парк, а на выставку живописи. И Люба это принимала, потому что сама такими

вещами не интересовалась и осуждала себя за это. Надя же водила компании с ребятами, при одном взгляде на которых Люба холодела. Но Надя таскала ее за собой – не всегда, но часто, и в те дни, когда Надя исчезала куда-то одна, Люба ловила себя на том, что радуется этому. И одновременно она жалела, что они уже не могут, как в детстве, просто посидеть дома, поиграть во что-то. Ну, пусть уже не поиграть, ладно, они выросли, и Люба спрятала от Надиной расправы их родных и когда-то любимых кукол. Ну, пусть не с куклами, они все-таки уже большие для таких игр, но просто посидеть дома, посмотреть фильм, посмеяться и поболтать, совсем как раньше...

Но это никак не получалось. Образ жизни сестры Любе не подходил, и чем дальше, тем больше она это понимала, да только что с этим делать, не представляла совершенно.

Все эти походы в компании неприятных и опасных людей, лиц которых она не помнила, все эти посиделки невесть по каким квартирам и подвалам, где курили, пили спиртное и вели себя просто ужасно, – все это вызывало в Любе отвращение на каком-то клеточном уровне, потому что она ненавидела грязь, боялась микробов и постоянно мыла руки, а в тех местах, куда ей приходилось ходить с Надей, микробов было в избытке. Еще она очень боялась носить в сумке остро заточенную отвертку, но Надя настаивала, и один из ее приятелей сделал им такие – с красивыми ручками из оргстекла, в которых цвели небольшие розочки. Любе совершенно не нравились наставления Надиных знакомых насчет того, как надо пользоваться этой отверткой, и вовсе не в мирных целях. Но ей пришлось научиться, замирая от ужаса всякий раз – от одной мысли, что она может попасть в ситуацию, при которой только и останется, что воспользоваться своим оружием.

Но до поры она молчала – не хотела ссориться с сестрой, без которой не представляла своей жизни. И как бы это она ни с того ни с сего взяла да и сказала Наде: я с тобой никуда больше не пойду, у меня свои планы!

Какие планы? Откуда им взяться?

И она продолжала ходить вместе с Надей, холодея от страха всякий раз, когда слышала громкие пьяные голоса. Ей все время казалось, что она спускается в самый ад, где вот-вот вспыхнет ссора или закружится драка. Так иной раз и случалось; тогда она доставала свою отвертку, сжимала в руке, и ручка нагревалась, вгрызаясь в ее ладонь. А после этого она несколько дней не могла успокоиться и просила бабушку под любым предлогом оставить ее дома, но чаще всего та не соглашалась. Иди, мол, подыши свежим воздухом. Как будто можно назвать свежим воздухом месиво из табачного дыма, «травки» и вони от немых тел!

Люба понимала, почему бабушка это делает, – она не хотела, чтобы Надя была одна и натворила глупостей. Бабушка считала, что Люба удержит Надю от этих «глупостей», но правда была в том, что удержать Надю от чего-либо не мог никто.

И не раз Люба заставляла сестру голой на грязном матрасе, в компании каких-то угрожающего вида парней, и ей было ужасно, невыносимо стыдно за сестру, которая так себя вела, но другие девушки в этой компании вели себя примерно так же. Надя пыталась объяснить Любе, что ничего особенного в этом нет, голая физиология, но Любу мутило от одной мысли о грязном матрасе и чужом теле, вторгающемся в нее. И пусть она будет тысячу раз «ну и дура», но Люба предпочитала быть душой, нежели позволить кому-то так с собой поступить. Вот с того момента, когда она отказалась проделывать подобное, Люба и поняла: есть принципиально важные вещи, отказаться от которых означает отказаться от себя самой.

Правда, в этих компаниях к Любе относились снисходительно и по-своему бережно, наградив ее прозвищем Мелкая, то есть – младшая. Люба-то и правда была младшей сестрой – на одиннадцать месяцев, но все же! И ее уважали за принципиальность.

Надя руководила покупкой одежды и прочими такими вещами, и Любе совершенно не нравилось то, что приходилось носить, но тут она старалась не спорить: папы никогда не было

дома, бабушка совсем не могла противостоять Наде, собственных друзей у Любы не было, и она боялась быть в мире одна, без сестры.

Ну подумаешь – надеть черную футболку и рваные джинсы – да бог с ними вовсе! И с прической тоже удобно: у Нади такая же, и не надо зеркала, чтобы понять, как она выглядит. Для Любы это не принципиально, а Наде очень нравилось, что они такие одинаковые, их разница в одиннадцать месяцев и в три сантиметра роста была совсем незаметна, их чаще всего принимали за близнецов, и Надя всячески подчеркивала эту одинаковость.

Пока однажды Любу посреди улицы не схватил в охапку здоровенный мужик лет тридцати – в ее понимании практически пенсионер, – и пятнадцатилетняя Люба испугалась до слез, даже отвертку не успела вытащить, хотя ни тогда, ни потом не была уверена, что вообще сумела бы ею воспользоваться.

А мужик прижал ее к стене дома и, дыша в лицо перегаром и испорченными зубами, тряс ее и хрипел о чем-то совершенно непонятном, из чего Люба поняла только, что он приревновал к кому-то. И Люба понимала, что ее сейчас приняли за Надю, ведь они были похожи как две горошины.

Но, видимо, не совсем, потому что даже мужик вдруг что-то такое понял и разжал тиски. А когда Люба сползла по стене и заплакала, напрочь забыв об отвертке, он растерянно и виновато посмотрел на нее и пробормотал:

– Прости, Мелкая, перепутал тебя с сестрицей твоей – оторвой. Ты бы хоть одевалась как-то по-другому, так ведь и до беды недалеко!

И тогда Люба поняла, что больше не собирается безмолвно следовать за сестрой и выполнять ее указания.

Это был разрыв – еще не полный, но именно он.

Нади дома не оказалось, и Люба перетащила свою кровать из их общей комнаты в дальнюю, которая использовалась как склад ненужных вещей. Барахло, накопившееся там, Люба отнесла на чердак, вымыла пол и окна, повесила занавески и решила, что теперь это ее территория.

Она оставила в их с Надей общем шкафу всю одежду, которая выглядела как Надина, и оказалось, что, кроме нижнего белья и пары футболок, у нее ничего нет. Тогда она влезла на чердак и открыла сундук, где бабушка хранила мамины вещи.

Конечно, это были не какие-то супермодные наряды, но благодаря тому, что мама предпочитала классический стиль, Люба выбрала себе гардероб. Потом настало время прически. Люба поехала в парикмахерскую – не в ту, куда они с Надей обычно ходили и где воплощали в жизнь ее самые креативные фантазии, – а просто в ту, где ее оказались готовы принять прямо сейчас, без предварительной записи.

Именно там ей вернули ее светло-русый цвет, подправили стрижку, убрав острые углы и асимметрию, срезали длинные ногти с кислотной раскраской, снабдили советами по макияжу. Милая девушка-парикмахер, не намного старше ее самой, накрасила Любу своей косметикой, и они, хихикая, обсуждали какую-то чепуху из журналов, стопкой лежащих здесь же, на столике.

И когда Люба наконец решилась посмотреть на себя, ей пришлось заново познакомиться с собственным отражением. Из зеркала смотрела тоненькая девочка в серой прямой юбке до колен, в розовой кофточке и розоватых босоножках. Купленная по дороге в парикмахерскую сумочка – серая с бантиком, расшитая искусственными жемчужинами, – выглядела очень симпатично, как и скромный розовый лак на коротко стриженных ногтях.

– Ты выглядишь как английская школьница из фильма о закрытых школах. – Новая знакомая, парикмахерша Яна, поправила Любе прическу. – Волосы еще отрастут по стрижке, через месяц приходи, я тебе подровняю ее, зато ты сможешь их потом собирать заколочкой на затылке, тоже хорошо будет. Тебе идет этот стиль – классика, неброская и добропорядочная.

Люба и сама ощущала себя по-другому. Она шла по улицам и смотрела на себя в витрины. Она зашла в несколько магазинов и купила косметику, несколько пар обуви и еще одежды – именно такой, какая понравилась ей самой. Папа открыл дочерям кредитные карточки, и Люба редко пользовалась своей, но теперь наконец начала.

Она даже думать не хотела, что скажет Надя. После пережитого ужаса Люба знала одно: больше она ни за что не пойдет куда-то вместе с ней. До этого дня она мало задумывалась над тем, чего же ей самой хочется, полагаясь во всем на сестру, зато сегодня она отчетливо поняла, чего ей *не хочется*.

А принятые решения Люба никогда не отменяла – дело принципа.

Люба твердо была уверена, что больше никогда не станет ходить за Надей по ее знакомым, потому что эти знакомые не годились ей самой. Она не хочет видеть людей, чьих лиц не может запомнить, сидеть в грязных, прокуренных помещениях, где воняет помойкой, слушать разговоры, в которые вникать нет смысла. Поэтому она просто будет жить собственной жизнью, и начало положено, в ее телефоне теперь есть номер, которого нет в Надином, – ее новой знакомой, парикмахерши Яны, с которой они договорились встретиться послезавтра и пойти пить сок во фрэш-баре с кошками. Оказывается, в Александровске есть такой бар, где подают свежавыжатые соки, отличную выпечку, а в помещении живут кошки, которых можно гладить и брать на руки.

Надя кошек терпеть не могла, а Люба не знала, нравятся они ей или нет, и решила это выяснить. И вообще возможность пойти куда-то без Нади, с подружкой, которая только ее, была новой и заманчивой. И Люба не понимала, как могла допустить, что столько лет просто была тенью сестры, а главное – зачем.

Папа уже был дома, и, когда Люба вошла в столовую, все вытаращились на нее в крайнем изумлении:

– Любочка...

Бабушка всплеснула руками, и слезы выступили на ее глазах.

– Дима, ты посмотри – вылитая мать! Ну вот словно Нелечка зашла. И одежда ее – гляди, совсем Любе впору...

Папа как-то странно посмотрел на Любу, но промолчал. Так они пили чай: бабушка ворчала, что вот грех какой, Надюшки-то нет до сих пор, а когда она с Любой уходила, ей было спокойнее. И Люба еще раз убедилась, что правильно понимает свою роль: для бабушки она была как бы гарантией того, что Надя не вляпается в неприятности.

И еще поняла, что больше не будет этого делать. Она сама по себе, Надя – сама по себе.

– Я чрезвычайно рад. – Папа наконец решил поучаствовать в разговоре. – Мне казалось, что у тебя нет ни характера, ни собственного «я», но оказалось, что нужно было просто подождать. Правда, теперь мне придется знакомиться с тобой заново, но и это мне в радость.

Папа редко бывал дома и еще реже разговаривал с ними, он больше молчал, что-то читая, и если разговаривал, то с Надей – именно Надя занимала все то время, которое папа мог выделить своим дочерям, а Люба просто присутствовала при этом.

Но теперь папа говорил с ней, потому что она – отдельный человек, а не номер два, приложение к Наде.

– Думаю, Надежда закатит грандиозный скандал, но ты держись, не сдавайся. – Папа подмигнул Любе: – Раз уж ты решила жить своим умом, к этому прилагаются и некоторые издержки. Свои убеждения иногда приходится защищать.

Люба запомнила это накрепко – то ощущение первого в своей жизни самостоятельного решения. И теперь она должна принять решение за Надю, впервые в жизни. Но для этого Наде пришлось умереть.

В дверь постучали. Люба вздрогнула – распорядитель сказал, что человек, который придет менять замки, предварительно позвонит. А тут никакого звонка, просто требовательный стук в дверь.

Люба осторожно заглянула в глазок – за дверью маялась тонкая девица с конским хвостом абсолютно белых волос на макушке.

– Надежда, открывай, я знаю, что ты там.

Люба вздохнула – да, у сестры были ужасные знакомые, но эта девица не выглядит слишком ужасно. Она щелкнула замком – и на нее воззрились два пронзительных зеленых глаза, круглых и сердитых.

– Ты что это, подруга, на лоджии развела... Ой! Ты не Надежда.

– Нет, не Надежда.

Какую-то минуту они тарасились друг на друга, пока мимо пришедшей девицы в квартиру очень шустро не проник рыжий крупный кот, и Люба взвизгнула от восторга:

– Котик!

Кошек она любила. С того самого дня, когда Янка притащила ее в кошачий фрэш-бар, Люба была навечно обращена в рабство этими прекрасными существами. И это углубило трещину, возникшую между ней и Надей, потому что, пока они жили под одной крышей, принести в дом собственного котенка Люба не могла. Надя ненавидела кошек люто, и в этой ненависти было что-то ненормальное, отчего Люба со временем заподозрила, что сестра вообще душевнобольная.

И вот теперь на грязном столе восседает прекрасный рыжий кот с круглой капризной мордочкой и высокомерным взглядом Повелителя Вселенной. Люба готова восхвалить его до небес и принести к лапам любые дары, но в данный момент у нее и нет ничего, кроме безмерного восхищения.

– Декстер! – Девушка ринулась в квартиру и схватила в охапку свое усатое сокровище. – Здесь ужасно грязно, фу, как ты мог сюда прийти!

– Можно погладить?

– Ага, валяй.

Люба осторожно тронула пальцами голову кота, и тот презрительно сощурился.

– Сколько ему?

– Три года. Ужасно прекрасная скотина. – Девица взяла кота на руки и чмокнула его между ушами. – И умный, и вообще.

– Невероятно прекрасен, абсолютно! Совершенство.

– Как все котовые, собственно. – Девица ухмыльнулась: – А вот Надька котов не любит, но ты же в курсе, я уверена. Ты ее сестра?

– Ага. – Люба завороченно смотрела на кота. – Шикарный мальчик, просто золото, а не кот.

– Это да. – Девица потерлась лицом о голову кота, и тот заурчал. – Вот не знала, что у Надьки есть младшая сестра. На сколько ты младше?

– На одиннадцать месяцев.

– Лихо! Я-то решила, что ты лет на десять моложе. Ну, «синька» – зло, как известно, так что удивляться нечему. А сама Надька где?

– А она... собственно, она умерла, меня вызвали сотрудники полиции, приехавшие на вызов докторов. Тут какой-то бомж тусил, когда Надежде стало плохо, он не видел даже, так был пьян, а когда «Скорую» вызвал, было поздно. В общем, тело уже увезли, бомжа забрали до моего приезда, а я...

– А ты не слишком скорбишь, потому что твоя сестра была мистером Хайдом, а ты – доктором Джекиллом. – Девица вздохнула: – Да, вот же случай какой... Меня Мила зовут.

– Это от имени Людмила?

– Нет, это от имени Милана. – Девушка перебросила кота на другую руку. Он, недовольно засопев, вскарабкался ей на плечи и расположился там совершенно автономно. – Знаешь, наверное, нехорошо так говорить, но скорбеть по твоей сестре будут только местные алкаши и прочий уголовно наказуемый элемент. Тут иногда такое творилось – уму непостижимо, а ведь я наверху живу, и мне все было слышно. Так я чего пришла-то... извини, у тебя сестра умерла все-таки...

– Торжественную часть объявляю закрытой.

– А, ну тогда супер. – Мила подставила щеку, и кот Декстер потерся о нее головой. – Я пришла, потому что на балконе, по ходу, что-то разлагается и воняет до небес. Ну, точно до моей квартиры, выше только бог, тут всего три этажа, а удовольствие так себе.

– Я не открывала дверь на лоджию, и если там что-то завонялось, я без понятия.

– Так идем посмотрим. У меня в квартире такой дых от этих миазмов, что окно открыть невозможно.

Брезгливо морщась, Люба обернула руку стерильной салфеткой и взялась за ручку балконной двери.

– Нет, не могу. – Она беспомощно взглянула на Милу: – Придется кого-то нанять...

– Нанять, чтоб посмотреть хлам на балконе? – фыркнула та. – Ну, считай, что ты меня наняла – поддержи-ка Декстера, у него шерсть провоняет, если он туда юркнет. Да, а тебя как зовут-то?

– Люба...

– Ну, так я и думала. – Мила засмеялась. – Есть закономерность в назывании детей. Вот это трио – Вера, Надежда, Любовь – часто встречается. Или, например, если у барышни отчество Николаевна, то часто ее называют Наталья – ну, типа, как жена Пушкина, все же со школы помнят роковую красавицу – почему-то Гончарову, хотя она таки была в замужестве Пушкина. Вот и лепят к этому незамысловатому отчеству имя Наталья, а подумали бы: пустая была бабенка, необразованная и глупая, рожала бесконечно, и все. Не замечала?

– Нет, даже не думала.

– Мир вокруг подчиняется некоторым закономерностям, понимаешь. Люди невероятно предсказуемые. Ладно, держи-ка Декстера, а я погляжу, что там завонялось. Не удивлюсь, кстати, если найду труп – накануне Надька с кем-то ужасно ругалась, орала как подорванная. Ну, ты знаешь, как она умела.

Люба приняла на руки пушистое тяжелое тельце, замирая от восторга. Кот был теплым, его шерсть на спине имела красноватый оттенок, а небольшие уши выглядели трогательно и совершенно неотразимо.

– Фу, гадость... – Милин голос за окном звучал приглушенно, несмотря на открытую дверь. – Ой блиииииин! Иди сюда, глянь!

Люба выглянула из окна, и если бы не кот, ее бы точно стошнило, но она вовремя уткнулась в пушистую шейку зверька и вдохнула запах каких-то духов и кошачьего шампуня.

Из клетчатой сумки текла мерзкого вида вонючая жижа, в которой буквально плавали распухшие куски гнилой плоти, похожие... да бог знает, что это было.

– Что это?

– Части свиньи, покрытые кожей. Вот и голова здесь. Боже ты мой, зачем ей это понадобилось?

– Думаю, для рисования. – Люба пошла в ванную и, стараясь ни к чему не прикасаться, сняла полиэтиленовую штору и отнесла ее новой знакомой. – Это надо завернуть, и я как-то вынесу на помойку.

– Следи за Дексом, а я сама вынесу, у тебя лицо зеленое, облюешь всю лестницу. А то, если хочешь, поднимись ко мне и подожди в моей квартире.

– Ко мне сейчас человек придет замки менять.

– Ну, тоже дело, ключи-то у половины района небось есть. – Мила потащила приглушенно воняющий узел к двери. – Ладно, я мигом.

Кот, увидев, что его человек направляется к двери, коротко и требовательно мяукнул – он явно не собирался оставаться в этой грязной берлоге, да еще в компании невесть кого.

– Оставлять его нельзя, ты подожди минутку, отправлю домой, иначе без меня он тебе может закатить концерт и обоссит все углы... хотя тут это было бы кстати. – Мила опустила свою ношу на пол. – Я мигом.

Люба с сожалением отдала кота. Она любила всех кошек мира – просто как концепцию. И рыжая концепция по имени Декстер ей понравилась чрезвычайно. Сама она не могла завести себе кота, поскольку в ее крохотной квартирке он ощущал бы себя запертым, и бесконечно сожалела об этом.

Телефон зазвонил, и Люба ответила. Да, это был Человек с Замками, как она его мысленно успела назвать.

Любе нравилось встречать новых людей. Она любила это ожидание – когда назначена встреча, но человека еще не видела и представляешь, как он выглядит... Ее муж Михаил когда-то смеялся и говорил, что она коллекционирует лица, которые не может запомнить. Это была правда: Люба по-прежнему не запоминала лиц людей, но видеть новые ей нравилось. В той, другой жизни, в которой был Михаил.

За дверью возвышался мужик лет сорока, в руках у него большой рюкзак.

– Замки заказывали?

Так обычно спрашивают разносчики пиццы: «Пиццу заказывали?» И вот пиццу они с Женькой иногда заказывали, а замки еще нет.

– Да, это сюда, спасибо.

– Пока не за что. – Мужик вошел в коридор и огляделся. – Обстановочка, однако...

Ему и в голову не пришло, что это может быть Любина квартира, и она отчего-то это поняла. Впрочем, не было сейчас в мире двух более несовместимых вещей, чем квартира умершей Надежды и Люба, одетая в классическую оливковую юбку прямого покроя и зеленый топ, прикрытый коротеньким жакетом терракотового цвета, такого же, как ее балетки. Жакет был из твида, Люба любила твид – в нем она выглядела добропорядочно и элегантно. С тех самых пор, как она решила разорвать их с Надей одинаковость, она раз и навсегда определилась со своими предпочтениями в одежде, она вообще любила определенность во всем.

– Нужно просто сменить замки. – Люба с сомнением смотрит на старую дверь, на которой, казалось, живого места нет от предыдущих попыток прежних хозяев отгородиться от социума.

– Предлагаю поменять сердцевину действующего замка. – Мастер провел ладонью по многострадальной двери. – Дверь выбивали не раз, и если по-хорошему, то ее надо поменять, но поскольку брать здесь все равно нечего, то пока достаточно просто закрыть с гарантией, что ключ будет только у вас – хотя, безусловно, абсолютно любой замок можно открыть.

– Любой?

– Нет в мире замка, который не откроет никто. Просто здесь при смене замков энергоемкость процесса будет неадекватна конечному результату. – Мастер покосился на воняющий в коридоре пакет. – Да, тут вам еще придется разгребать.

Наверху открылась дверь, потом послышались шаги, которые сразу замерли, – Любе показалось, что человек прислушивался к возне мастера и их разговору. Люба поняла, что это не Мила – шаги другие, но человек не спускался, зато Декстер снова был здесь.

– Малыш, что ты тут делаешь совсем один?

Любе кажется это странным, и она берет кота на руки, но он совсем не такой, как раньше, – нервный, напряженный. Это оттого, что рядом нет хозяйки, думает Люба. Она гладит кота и прижимает к себе. Декстер явно не ожидал, что его стремление к свободе снова грубо

прервут, и пытается вырваться, но Люба понимает: за пределами квартиры кот пропадет, он не выживет в условиях улицы или подвала, этот комнатный и любимый, всегда чистый и сытый зверь, доверчивый и не видевший зла.

– Ну что ж такое. – Люба смотрит на Декстера, и он недовольно отворачивается. – Ладно, пойдём домой, малыш. Как же тебя хозяйка-то прозвала, непонятно.

Она поворачивается к мастеру, который увлеченно ковыряет замок – процесс ему, похоже, нравится.

– Я сейчас вернусь, только отнесу кота соседке.

– А, ладно. – Мастер на миг остановился, и Люба прислушивается – наверху уже не ощущается присутствие. – А я пока поработаю.

Здраво рассудив, что в квартире и правда нечего брать, Люба подхватила свою сумку и пошла наверх с котом наперевес – Мила говорила, что живет наверху, а значит, над квартирой покойной Нади. На лестнице никого не оказалось, и Люба на секунду удивилась: ведь кто-то был, так куда же делся? Но тут ей стало не до размышлений – кот принялся активно вырываться, дверь была приоткрыта совсем чуть-чуть, но просто входить было неудобно, и Люба постучала.

Никто не ответил. Удивившись, она снова постучала, а Декстер коротко и нервно мяукнул.

– Странно, как же ты вышел, в такую щель ты бы не пролез... а если бы и пролез, то дверь при этом открылась бы пошире.

Пытаясь удержать рвущегося из рук кота, Люба открыла дверь и вошла.

– Мила! – Люба опустила Декстера на пол, и он шмыгнул в недра квартиры. – Мила, ты где? Я кота принесла, как он у тебя выскочил, дверь-то...

Из комнаты послышался звук, который Люба ни с чем бы не перепутала.

Скулила собака.

Прикрыв за собой дверь, она пошла на звук – квартира оказалась почти такой же, как у Нади, но здесь царили уют и порядок.

В квартире никого не было, кроме собаки, перебинтованной, как мумия, – большой ротвейлер скулил, облизывая лицо лежащей под окном Милы, и только поэтому Люба поняла, что она еще жива. Если бы новая знакомая была мертва, собака вела бы себя по-другому.

Бруно посмотрел на вошедшего человека. Он еще не мог ходить и лаять почти тоже – лежал без движения, то проваливаясь в забытие, то снова выныривая на поверхность, и всякий раз чувствовал, как силы возвращаются к нему, но медленно.

Подходил Декстер, ложился рядом, и они спали, прижавшись друг к другу, как в детстве, это тоже было ощущение дома, ощущение Стаи. И доктор, который приходил его перевязывать, – он тоже оказался в Стае. Его человек теперь сидел рядом и никуда не уходил, да и куда идти без Бруно, кто станет защищать?

Но Враг, который вошел в их дом, не был ни привычным, ни безопасным. Он вонял сталью и чем-то, что было опаснее стали, – опасностью и смертью, и Бруно ничего не мог поделать. Даже когда Враг набросился на его человека, он не смог подняться на лапы, чтобы защитить.

А Враг посмотрел на него и сказал:

– Мне жаль, парень, но так карта легла.

Бруно не понял слов, но уловил интонацию, и хотя сказано было не так, как говорил бы Враг, но сомнений не было: Враг навредил его человеку, и Бруно, зарывав, попытался подняться, но лапы его не держали, от боли кружилась голова.

– Я дверь оставлю незапертой, кто-то тебя найдет.

Враг ушел, а Бруно только и смог, что подползти к лежащему телу своего человека и облизывать лицо, пытаясь разбудить – он знал, что его человек дышит, и Декстер тоже. Но

сердце человека билось все тише, и Бруно не знал, что делать. Декстер тоже был ему не помощник, он просто выбежал вслед за Врагом, в вечном своем стремлении сбежать, чтоб его ловили с причитаниями и нежными уговорами, да только сделать это было уже некому, а глупый Декстер ничего не понял.

Бруно скулил и изо всех сил пытался разбудить человека.

И когда в дом вошла незнакомка, он заскулил еще громче. Незнакомка не пахла опасностью. От нее шел запах чистой кожи, каких-то духов и домашней выпечки. Был еще другой – отвратительный запах берлоги, мимо которой они ходили много раз. Там жила женщина, которую Бруно не любил, она часто кричала, делала резкие движения и пахла какими-то неприятными вещами, неопасными, но неприятными. Так несколько минут назад пахла шерсть Декстера, и от хозяйки шел такой же запах. И теперь от вошедшего человека тоже пахнет, но совсем немного, и Бруно отчаянно заскулил. Когда незнакомка вошла в комнату вслед за Декстером, он понял, что теперь не один.

Незнакомка опустила на пол около тела хозяйки, ощупала ее.

– Потерпи, мальчик, потерпи. Видишь, она не ранена. Ну, была не была, хуже не будет...

Она называла его «мальчик», точно так же, как хозяйка. От этого слова веяло покоем, и Бруно каким-то своим собачьим чутьем ощутил, что может доверять этому человеку, это не враг.

А незнакомка вытащила из объемистой сумки что-то блестящее, открыла крышку и достала оттуда какие-то вещи, чуть повозилась с чем-то – ломаясь, щелкнуло тонкое стекло. Все эти вещи не выглядели опасными и не вызывали тревоги, пока женщина, коротко размахнувшись, изо всех сил не ударила хозяйку в грудь. Бруно не успел даже зарычать, до такой степени это было неожиданно – женщина не выглядела как враг, не пахла, как враг, у нее в руках ничего опасного, но удар был быстрый и безжалостный.

Хозяйка захрипела и сделала судорожный вдох, сердце ее забило в прежнем ритме.

Коротко мякнул Декстер, наблюдавший за происходящим с подоконника.

3

Накануне Георгий прописывал программу для станка, который купили его клиенты. Он был родом из девяностых – хороший немецкий станок, обрабатывающий высокопрочную сталь. Георгий любил такие, он вообще любил умные механизмы, а глупых он и не знал.

В этом заключалась работа – налаживать работу станков, прописывая программы для изготовления деталей. Это раньше нужен был человек, который бы выполнял эту работу – даже несколько, а сейчас все просто: закрепил заготовку, задал программу обработки, нажал кнопку, и можно кофе пить или в Интернете сидеть.

Но если нет программы, нет и обработки. И Георгий прописывал программы под разные детали.

Если бы двадцать лет назад ему, студенту политеха, кто-то сказал, что он будет заниматься подобной работой, он бы не поверил, но жизнь оказалась совершенно не такой, как он себе представлял.

И даже семьи он не завел, потому что, когда он был моложе, у него не имелось возможности привести в дом жену, а стал старше – то уже не представлял, как он вот так возьмет и примется кроить свою уже устоявшуюся жизнь. И ведь не факт, что выйдет ладно, а плохо он не собирался – на это «плохо» он с детства наглядился под самую завязку и себе такого не хотел.

А еще буквально вчера Георгий решил бросить курить. Когда куришь всю сознательную жизнь, очень сложно отказаться от этого, но вечером Георгий решил в кои-то веки слегка прибраться и обнаружил за телевизором банку с окурками. Она стояла там еще со дня смерти отца, а до этого, возможно, год или два – отец не любил убираться, его раздражало малейшее желание сына хоть как-то навести порядок в квартире, а уж в отцовскую спальню заходить и вовсе было строжайше запрещено. И когда отца не стало, Георгий не стал ничего менять – ему уже было все равно.

А вчера он абсолютно случайно обнаружил в Интернете серию передач о людях, страдающих обсессивно-компульсивным расстройством. Эти люди постоянно убирают в доме, моются и вообще боятся микробов. И создатели передач решили столкнуть их с ужасными неряхами, чтоб посмотреть, что из этого получится.

Тогда впервые за многие годы Георгий посмотрел на свое жилище и понял, что он и есть такой вот неряха, и если бы кто-то, у кого есть страсть к порядку, зашел к нему в квартиру, то с ним было бы то же самое, что и с теми несчастными микробофобами.

– Надо прибраться, что ли...

Георгий вытащил мусорное ведро и решил хотя бы собрать окурки. Их оказалось так много, причем в самых неожиданных местах, что Георгий невольно задумался – а хорошо ли, что он курит по две пачки сигарет в день?

А потом он обнаружил эту банку, и его стошнило.

Он и сам не знал, почему так отреагировал, но его реально стошнило от вида грязной литровой банки, полной спрессованных окурков, и Георгий понял, что курить больше не будет. Он собрал все окурки в квартире, отодвинул мебель, вымел мусор из-под засаленных диванов и пыльных шкафов, открыл окна – но запах пыли и застарелого табачного дыма оставался.

Георгий понял: нужно что-то делать, но что – он не знал и просто бросил курить. Он вынес на помойку не только ведро окурков, но и пепельницы, сигареты и зажигалки тоже, но эта проклятая банка все стояла перед глазами.

А наутро он обнаружил, что мир полон самых разнообразных запахов.

Курить хотелось, но он знал, что больше не сможет. А его квартира превратилась в воняющую дыру... вернее, она всегда такой была, просто он не замечал. Георгий принял душ, переделся в чистое, но и одежда, и он сам, казалось, провоняли пылью и застарелым табачным

дымом. Он сбрил бороду, отросшую за несколько месяцев, сходил в парикмахерскую и на улице тоже ощущал запахи – там человек чеснока наелся, оттуда по`том тянет, а от какого-то ларька воняет смесью специй и пережаренного масла.

Но хуже всего было оказаться в квартире: зайти туда с улицы и ощутить запах застарелой грязи и разложившегося никотина.

И вот звонок от знакомого с предложением немного подработать. Конечно, не бог весть что, установка замка, но отказывать приятелю не хотелось, а уйти из грязной квартиры – очень.

С Никоновым он познакомился, когда умер отец. Сначала его раздражала манера похоронных дел мастера называть все уменьшительно: гробик, веночки, столик... Это реально раздражало. Но потом вдруг оказалось, что ему самому делать ничего не нужно, все уже организовано хлопотливым Никоновым, а он, пришибленный внезапным горем и непоправимостью случившегося, мог не беспокоиться о многих вещах, которые необходимо сделать, когда кто-то умирает в семье.

В данном случае умерла вся семья Георгия – отец и был ею. Они остались семьей с того момента, как ушла мать, оставив пятилетнего Георгия, и отец не женился больше: просто не хотел, чтобы у сына была мачеха, да и, наверное, уже не верил никому. Так они и жили в своей старой квартире, отец научил его всему, что умел сам, – а он умел многое. Но как-то рано отец состарился и превратился в усталого больного человека, и уже к сорока пяти годам от их прежних отношений ничего не осталось. В какой-то момент Георгий понял: чем старше становится он сам, тем больше раздражает отца, как и все вокруг. Разочарованный и усталый, тот принялся доживать свою жизнь, возненавидев мир за окном и воюя с Георгием за пространство в квартире. При этом на улицу он не выходил, просиживая все дни перед телевизором в туче табачного дыма, и оставить его Георгий не мог: отец то и дело попадал в больницу и нужно было как-то поддерживать его. Вопрос насчет того, чтобы привести в их общий дом какую-то барышню, вообще не поднимался. Ни одна вменяемая барышня ни за что не согласилась бы жить в одной квартире с воинствующим мизантропом, зная точно, что муж ее никак не поддержит, а Георгий был не готов воевать с отцом против всего живого на земле. Он просто не знал, как это делается, – ведь это отец, как воевать с отцом? И в какой-то момент Георгий сдался, потому что отец был единственной семьей, которая у него была, никаких родственников у них нет. Как это вышло, он не знал, спросить было невозможно, а потом и поздно.

И тут уж не до барышень.

И бывали дни, когда они с отцом не говорили друг другу ни слова, только молча курили. Курение в их семье не считалось чем-то предосудительным, отец стал много курить после ухода матери, в его спальне всегда была дымовая завеса табачного дыма. Георгий начал курить лет в десять – и отец, узнав об этом, ничего ему не сказал, учителя возмутились, а отец нет, и по итогу эта привычка к курению осталась тем единственным, что у них было общего.

А потом отец умер. Так же внезапно, как когда-то ушла мать, оставив в шкафу пустые полки и забытый на трюмо флакончик духов «Натали». Отец просто продолжал сидеть перед телевизором, где противными голосами квакали уродцы Симпсоны.

Георгий вернулся с работы и что-то говорил, а отец молчал – он всегда молчал, обиженный на весь мир. И привычной завесы табачного дыма не было. Георгий окликнул его в третий раз. Симпсоны продолжали пучеглазо пялиться с экрана, Георгий тронул отца за плечо, думая, что тот задремал, – и все понял.

Тем вечером в его квартиру и пришел Никонов.

Он сочувственно вздыхал, демонстрируя «гробики», и, поняв, что насчет поминального обеда беспокоиться незачем, просто организовал церемонию, а Георгий смотрел на неподвижное лицо отца и думал о том, что тот и не жил, если вдуматься. Отец отказался от этого добровольно – заточил себя в кокон обиды, а на самом деле жизнь казалась ему непосильной, он не знал, как жить ее. Когда сын вырос и перестал остро нуждаться в нем, он отвернулся

и от него. Если бы он был верующим, то ушел бы в монастырь – отец всегда был приверженцем радикальных решений, для него не существовало полутонов, его мир был категорически черно-белым, и все его решения такие же. Они никогда не говорили о матери, но со временем Георгий понял, что она ушла неспроста, а возможно, это было такое вот черно-белое решение отца, как и то, что мать никогда больше не давала о себе знать.

Но тогда он не думал ни о чем, кроме того, что его жизнь прошла и он доживет ее один. Георгий в точности повторял судьбу отца, просто у него не было даже ребенка.

Поймав себя на том, что ему хочется запереться в квартире и не выходить, Георгий испугался. Он понимал, что отец, скорее всего, был болен и болезнь его душевная – он даже нашел ее описание в Интернете: маниакально-депрессивный психоз. Все симптомы сходились просто пугающе, и Георгий понял, что отца надо было лечить – но тот ни за что не согласился бы даже на простое обследование, случился бы грандиозный скандал, который, скорее всего, закончился бы полнейшим разрывом дипломатических отношений. А раз уж все равно ничего нельзя исправить, то нужно просто жить дальше, и Георгий решил, что за свою жизнь будет бороться.

Правда, он не знал, как это сделать, но интуитивно чувствовал: нужно просто заставить себя выходить из дома, общаться с людьми. Он возобновил знакомства с теми приятелями, с которыми еще можно было, потому что за те годы, пока отец сидел в кресле и ненавидел всех вокруг, Георгий растерял социальные связи. Нет, он ходил на работу, но после нее спешил домой, потому что там был отец, который ждал – за день у него накапливался ворох новых обид и ведро желчи, и ему требовалось опрокинуть все это на сына. Чем дольше тот задерживался на работе, тем сильнее была негативная реакция отца, и Георгий взял в привычку немедленно бежать домой, иначе себе дороже.

Конечно, какие там приятели при таких условиях!

И заказ на замену замка Георгий принял – нужно было ехать на другой конец города, но это не важно. Он подхватил рюкзак с инструментами и поехал – думая о том, кто ждет его. Ему нравилось встречать новых людей, но в маршрутке Георгий понял, что погорячился. Тесное пространство пропахло спрессованной грязью, изо рта у стоящей рядом женщины воняло гнилыми зубами, тяжелый запах каких-то духов просто сбивал с ног, и когда маршрутка переехала плотину, Георгий выскочил наружу, понимая, что оставшуюся часть пути пройдет пешком.

Влажный весенний воздух пропах выхлопами машин и мокрым асфальтом. Георгий купил в ларьке пакетик мятной жвачки и успокоил взбунтовавшийся желудок. Дом, в котором он должен был работать, оказался глубоко во дворе – небольшой, трехэтажный, построенный еще при царе и перестроенный многократно. В подъезде, открытом всем ветрам, Георгия снова начало подташнивать – пространство было загажено испражнениями, блевотиной и невесть чем еще, что диссонировало с аккуратными дверями.

Но на втором этаже, когда перед ним возникла убитая в хлам дверь, он понял источник здешнего беспорядка и был разочарован: за такой дверью обычно не ожидалось ничего хорошего и уж тем более не жили люди, с которыми он мог бы общаться.

Но девушка, открывшая дверь, явно не имела ничего общего с жутко воняющей грязной квартирой. Георгий не слишком разбирался в женской одежде, но то, что цветовая гамма и стиль идеальны, даже он понял. А к этому прилагалось большеглазое личико сердечком, рыжеватые брови вразлет и пухлые губы с уголками, загнутыми вверх. И шикарные ноги, идеальную красоту которых не скрыли даже скромная прямая юбка до колен и простенькие балетки – незнакомка, похоже, не жаловала каблуки. И пахла барышня свежестью, чистотой и тонкими духами, несмотря на грязное вонючее пространство квартиры.

Конечно, Никонов что-то говорил об умершей сестре – Георгий вдруг словно забыл, а теперь вспомнил: это же была квартира умершей, иначе Никонов бы тут не оказался. И боль-

шеглазая незнакомка так невероятно диссонировала с помойкой, ожидаемо оказавшейся за дверью квартиры, что Георгий даже попятился.

И теперь он с интересом наблюдал, как барышня старается ни к чему не прикасаться, и она – чистенькая, подчеркнута элегантно – морщит носик от невероятно отвратительного запаха, исходящего от пакета, стоящего здесь же, в коридоре. Запах этот Георгий знал – так смердеть может только разлагающаяся органика, но какая органика могла оказаться в этом пакете?

Крупный мордатый кот спускался по ступенькам откуда-то сверху – Георгий ухмыльнулся: кот ступал с брезгливой миной, поминутно отряхивая лапы, и на его мордочке было такое отвращение к грязи, что Георгий не удержался и подмигнул: что, брат, противно? Вот так оно и бывает в жизни – если выходишь за пределы своего дома, становишься беззащитным в мире, полном опасностей и прочих микробов.

Кот был явно породистый: коренастый, мощные короткие лапы, на короткой шее крупная голова с круглой мордой, слегка приплюснутым носом и оранжевыми глазами. Все это дополняли существенные усы, а хвост у кота был короткий и толстый. В грязном подъезде он выглядел как король в нищем квартале.

Кошек Георгий опасался. Не боялся, нет, но относился настороженно: кошка – страшный хищник; вот пока он мелкий, этот кот, он милый и вызывает в несознательных гражданках приступы яростного умиления, но у него есть абсолютно все, что и у тигра, и у саблезубого тигра тоже все это было. И будь этот кот хотя бы вдвое больше, он был бы опасен, потому что тело любой кошки создано лишь для охоты. Причем как раз домашняя кошка охотится исключительно из любви к искусству, ведь она редко голодает.

Идеальный убийца – безжалостный, любящий свою работу и абсолютно милый.

А потому Георгий уважительно смотрит, как под бархатной шубкой кота перекачиваются мускулы, и когда девушка вот так запросто и фамильярно подхватила рыжее хищное совершенство на руки, заворковала над ним и кот, попытавшись вырваться и поняв, что царапать дуреху как-то не по-королевски, фыркнул и презрительно сощурил глаза, Георгий вздохнул – нет, он бы ни за что. Нельзя так вот запросто хватать на руки плод тысячелетней эволюции, даже если этот плод пушист, прекрасен и выглядит мило и безопасно. Вот потому барышни не думают о саблезубой сущности кота, а ведь она есть!

Но что-то задержалась хозяйка, а ведь работа готова.

Георгий вздохнул, принял решение подняться и поторопить котолобивую чистюлю.

Он прикрыл дверь в квартиру, здраво рассудив, что красть там нечего, подхватил свой рюкзак с инструментами и поднялся по лестнице, поймав себя на том, что снова буквально заставляет себя контактировать с человечеством.

Наверху было две двери, одна обычная, деревянная, выданная когда-то вместе с квартирой, зато вторая оказалась добротной и выглядела новой: дубовый шпон, хорошие замки, скрытые петли. Только за такой дверью мог обитать породистый холеный кот, и Георгий осторожно постучал. Он ощущал сильный дискомфорт от необходимости осуществлять все эти действия, но одно воспоминание об отце, заживо похоронившем себя в их квартире, отгоняло любые рефлексии. Нужно брать себя за шиворот и выволакивать в люди, иначе его ждет та же судьба, только ему даже продуктов некому будет принести.

Никто не собирался открывать, и Георгий машинально потянул дверь на себя – она оказалась незапертой. Сам не ожидая от себя такой прыти, он шагнул в прихожую.

– Хозяйка! Я с дверью закончил.

В комнате стоял странный запах. Крупный ротвейлер, перемотанный бинтами, скулил, положив голову на руки тонкой бледной девушки с абсолютно белыми волосами. Она отчего-то сидела на полу, привалившись спиной к стене, из кухни слышался звон посуды, а над всем этим царил кот. Как он умудрился взобраться на высоченный шкаф, Георгий взять в толк не мог.

– Вот вода...

Даже прическа не растрепалась, хотя она очень торопилась. В руках у девушки чашка с водой, и Георгий понимает, что происходит нечто совсем уж странное.

– Что?...

У хозяйки квартиры расстегнута блузка и на груди виден свежий след от укола. Одноразовый шприц лежит на столике – даже в цейтноте Чистюля не смогла оставить его на полу.

Ротвейлер глухо зарычал, когда рука с чашкой приблизилась.

– Тихо, Бруно, свои.

Девушка обхватила чашку тонкими пальцами и принялась жадно пить.

– Спасибо. Мне бы встать...

– Сиди. Выпей еще воды и посиди так, чтоб собака не нервничала.

Ротвейлер зарычал, глядя на Георгия, и тот попятился. Все-таки собака есть собака, даже если она ранена, а эта собака была ранена, и совсем недавно – на бинтах проступила кровь.

– Перевязать бы его...

Чистюля вздохнула: ну да, перевязать бы, но как?

– Дай телефон. Вон там, в кармане куртки...

Куртка брошена в кресло, хозяйка квартиры протянула тонкую, как прутик, руку, и ротвейлер заскулил.

– Тише, Бруно, все хорошо.

Ничего не было хорошо, и Бруно это знал. Какой-то чужой человек убил его хозяйку, а он ничего не смог сделать. Даже позвать на помощь сумел не он, а декоративный и высокомерный Декстер, который теперь сидит на шкафу и шурится, глядя на кавардак в доме. А Бруно хочет, чтобы приятель перестал строить из себя Повелителя Вселенной и был рядом. В минуты испытаний и опасности Стая должна держаться вместе.

Незнакомка, которая оживила хозяйку, погладила Бруно по голове совершенно бесстрашно, словно Бруно не огромный опасный пес, а кто-то вроде Декстера... Хотя декоративность Декстера сильно преувеличена, кот не раз и не два охотился на лоджии за птицами, и всякий раз успешно. Бруно этого не понимал – зачем убивать, если сыт, – но Декстеру хотелось просто ради процесса. Тяга к убийству жила в его душе и руководила его поступками, он охотился всегда, просто на членов Стаи не всерьез: нападал, чтобы сноровку не потерять, при этом не выпуская когтей, и слегка кусал – ну, типа, ты убит, короче. Бруно снисходительно относился к забавам приятеля. Декстер в Стае считался признанным красавцем и вообще милахой, хотя Бруно не видел ничего милого, когда птички перья летели во все стороны, потому что Дексу хочется убивать из любви к искусству.

Но Бруно уважал чужие слабости.

И женщина, которая сейчас гладит его, успокаивая, вызывает в нем странные чувства. Да, она чужая и относится к нему с непозволительной фамильярностью – но, с другой стороны, она только что смогла сделать так, что его человек снова дышит. Бруно сумел связать это в своей голове, а уж тем более когда Декстер дался ей в руки... У кота было свойство, которое Бруно очень уважал, – распознавать людей. Не по запаху, нет – нюх у кота был так себе, если сравнивать с собачьим, – но Декс умел распознать хорошего и плохого человека каким-то другим чутьем, недоступным псу. И то, что Декстер спокойно сидел на руках у незнакомки, когда она вошла в квартиру, очень многое сказало Бруно о ней. А потому он не зарычал, когда она дотронулась, не отстранился. Она пахла безопасно, а ее рука была мягкой и ласковой.

– Сейчас приедет доктор, перевяжет малыша. – Мила отложила телефон и протянула Георгию руку: – Помоги подняться, иначе я сейчас описаюсь прямо тут.

Георгий смутился от такой прямолинейности, но руку подал, несмотря на то что пес снова зарычал.

Бруно не любил, как пахнут самцы, и этот не был исключением, тем более что от него пахло металлом. Он сделал попытку встать, потому что этот самец тронул его человека.

– Тише, мальчик, все хорошо.

Та, что пришла с Декстером, села рядом и снова погладила его. Бруно умел ощущать эмоции людей. Обычно его боялись, опасались, обходили стороной, но эта женщина – нет. В ней вообще не было страха, она ощущалась скорее как Декстер: теплая, безопасная, безмятежная.

Она присела рядом с ним, а Декстер, спрыгнув со шкафа, с независимым видом подошел к ним и прижался к Бруно теплым бочком. И они стали Стаей. Бруно понял: просто его Стая теперь увеличилась, вот и все.

Кто-то поднимается по лестнице, Бруно слышит шаги, женщина тоже слышит и, отстранившись, встает и достает из сумки что-то опасное. Бруно тоже поднимается, хотя боль туманит голову, а повязка пропитывается теплой кровью и силы уходят.

– Что?...

Георгий попятился, глядя, как Чистюля в один момент из милой, цивилизованной, подчеркнута аккуратной барышни превратилась в жуткого хищника с внимательными, все замечающими глазами. Каким-то неуловимым движением она выудила из сумки большую отвертку, и остро заточенная кромка блеснула на солнце, пробившемся сквозь жалюзи.

– Тихо.

Сжимая отвертку в руке, она скользнула в прихожую, и Георгий отшатнулся: двигается Чистюля тихо, как тень. В ванной слышен плеск воды, ротвейлер, поднявшись на дрожачие лапы, угрожающе зарычал, его повязка окрасилась кровью, и Георгий ощущает, что уже через секунду может случиться то, что изменит мир вокруг него навсегда.

Дверь тихо открылась, Чистюля прижалась к стене в полутьме прихожей, а Георгий оцепенел, пытаясь понять, что же тут, черт возьми, происходит.

В прихожую вошел человек с чемоданчиком в руке, и в этот момент из ванной показалась хозяйка квартиры.

– О, Леня, привет. – Ее лицо еще влажное, волосы тоже. – Спасибо, что приехал.

Чистюля, стоящая за дверью, заметно расслабилась, но отвертку не бросила.

– Эй, ты что! – Мила наконец заметила гостью за дверью. – Спокойно, это врач. Мальчика надо перевязать, сама же видела.

Она сказала примерно те же слова, что говорила псу, когда успокаивала его.

– Ребята, что у вас тут происходит?

Доктор попятился в квартиру, с опаской глядя на Любу:

– Девушка, вы это бросьте, так можно кого-то невзначай и поранить.

Люба улыбнулась – точно так же, как Декстер, вволю наигравшись с жертвой, убивал ее и, бросив на лоджии потрепанный трупик, приходил на диван урчать и править Вселенной. Так и Люба – она просто спрятала отвертку в сумку и мило улыбнулась – хорошо, по-настоящему, и если бы не сжатая на ремешке сумки рука, можно было бы посчитать все произошедшее случайностью. Но Георгий уже знал: его новая знакомая – очень сложно устроенная барышня и общаться с ней нужно осторожно.

– Мне пора. – Она посмотрела на Георгия: – Если вы закончили, я вам заплачу и закрою квартиру.

Она погладила Декстера, взгромоздившегося на стол, и тот благосклонно подставил шею.

– Подожди.

Мила представить себе не может, что новая знакомая вот так сейчас развернется и уйдет, и ищи ее потом – свищи.

– Что?

Люба прекрасно понимает что, но ей надо услышать – она любит определенность во всем.

– Ты... что ты сделала?

– Адреналин. – Люба снова улыбнулась: – У меня с собой всегда есть ампула адреналина и шприц.

– Зачем?

– У меня покойный муж был аллергиком, – вздохнула она. – И очень любил путешествовать.

Зачем этой чужой девушке знать, что Михаила не стало в тот год, когда родился Женька? Приятели потащили новоиспеченного папашу в горы, и он, еще до конца не осознав свое отцовство, с радостью поехал – ведь так давно не был в горах!

А Люба осталась дома – с полугодовалым ребенком. Они накануне крупно поссорились из-за этого, потому что Мишка не мог понять, отчего они не могут взять в горы ребенка, и показывал Любе какие-то фотографии из Интернета, на которых бородастые граждане стояли на краю пропасти, держа на груди сумку-кенгурушку, в которой обретался младенец. Люба холодела от одной мысли, что ее обожаемый Женька будет засыпать в палатке, вдали от опытных педиатров, неотложной помощи и уютной кровати, а днем будет болтаться на животе кочующего папаша, пляшущего над пропастью.

Но в горах Михаила оставляла аллергия, он спокойно ел и арахисовое масло, и морепродукты, и шоколад, и апельсины – там все это для него не было ядовитым и не вело к ужасному отеку гортани, посиневшему лицу и прекращению дыхания.

А вот пропасть, груды из снега и камней – вели, и в тот год горы Михаила все-таки убили, похоронив его останки под сошедшей лавиной. Хотя они успели помириться по телефону, и Мишка дурашливо просил прощения за то, что вел себя как debil, и, конечно же, она, Люба, совершенно права: малышу не место в походе, и когда он вернется, а вернется он очень скоро, то делом докажет, что достоин такой чудесной жены, королевы всех хозяек и отличной матери для его сына, и осознает, как сказочно ему повезло в жизни, – Любе было не легче от этого. Потому что Михаил не вернулся, и даже тела его не нашли.

Но привычка таскать с собой ампулу адреналина и шприц – осталась.

Всего этого совсем не надо знать случайным знакомым. Люба не хочет ни сочувствия, ни жалости, чужим людям нет до нее никакого дела. Вот собаке и коту она бы об этом рассказала, с ними бы разговор получился, а с людьми – нет.

– Дай мне свой номер, я позвоню. – Мила чувствует, что Люба отчего-то спешит уйти. – Ладно?

– Давай наберу тебя, и сохранишь номер. – Люба достала телефон. – Но в любом случае мы еще увидимся, я же Надежду буду хоронить, и вообще с квартирой надо что-то решать. Мила, смотри, у него кровь...

Повязка Бруно намочила от крови. Молодой врач срезает ее, Бруно жалобно скулит, и Любе так жаль собаку, что просто слезы из глаз.

– Спокойно, барышни, все под контролем.

Леонид покосился на Любу – красивая, подчеркнута элегантно и очень респектабельная девушка, минуту назад сжимавшая остро заточенную отвертку, а теперь ее глаза полны непролитых слез, потому что собака скулит.

Очень красивая. Ну просто глаз не отвести, словно и не она несколько минут назад готова была пустить в ход заточку. И ведь ударила бы абсолютно хладнокровно, без колебаний – вот что интересно! Такой вот когнитивный диссонанс.

– Немного кровит, но рана чистая, воспаления удалось избежать, и уже через пару дней он будет вставать.

Люба вздохнула. Она очень жалеет животных, гораздо больше, чем сограждан, и мысль о том, что пса кто-то ранил и теперь такой вот ужас, расстраивает ее.

– Я поеду. Ребенок дома с няней, а он такой активный, что она долго с ним не выдерживает.

- Я позвоню. – Мила сохраняет Любин номер. – Надьку завтра будешь хоронить?
– Если ничего не изменится, там вскрытие и все такое... Ладно, звони, буду рада.

Георгий только удивился, как быстро меняется ситуация. Он так не мог: долго принимал решения, и уж если принимал, то окончательно, и никаких протоколов разногласий никогда не оговаривал. А тут все очень динамично, и самое главное – никакого напряжения, а ведь ему ясно: произошло нечто весьма скверное.

- Идем. – Люба поднялась и тронула Георгия за плечо. – Мне пора.
Она погладила Декстера, все еще сидящего на столе:
– Красавчик!

Открытая квартира встретила их невероятной вонью, Георгия даже замутило, а Любино лицо позеленело.

– Это мясо стухло. – Люба с ужасом смотрит на воняющий сверток, начавший подтекать на паркет. – Мила обещала вынести, но...

- Я вынесу, погоди.

Бросив рюкзак, Георгий подхватил потекший пакет и потащил на лестницу, а Люба осталась. Достав из сумки влажные салфетки, она обернула руку и открыла форточку на кухне. Нужно было еще раз осмотреть квартиру, чтобы оценить размер бедствия.

Спальня сестры была превращена в чулан, где громоздились картины. Люба зашла туда, стараясь ни к чему не прикасаться, – в углу прятался диван, заставленный рамами, подрамниками, холстами разных размеров, емкостями с мольбертами, тюбиками. Запах пыли и застарелой грязи перебивал какой-то химический запах – не то растворителя, не то еще чего-то подобного. На диване валялись две подушки и одеяло, постель была грязной, и Люба содрогнулась при мысли, что Надя могла ложиться туда. Она, в принципе, не понимала, как можно жить в такой берлоге, а уж лечь на грязную, засаленную простыню, положить голову на эти ужасные подушки... Любу передернуло. Нет, ни за что!

Но Надя никогда не придавала значения подобным условностям.

Одна из картин привлекла Любино внимание.

Она единственная стояла к ней «лицом», и Люба с удивлением рассматривала себя саму, одетую в кринолин и кружева. Картина была выполнена в технике, которую использовали в старой фламандской школе, – Надя презирала подобный стиль, считая его поражением, потаканием вкусам толпы, но отчего-то изобразила Любу в таком виде.

То, что Надя изобразила именно ее, Люба не сомневалась. С возрастом их невероятная детская похожесть ушла, черты Нади стали более резкими, выраженными, что ли, она вся словно состояла из острых углов, а Люба, наоборот, обрела более мягкие очертания. Теперь их бы уже никто не перепутал, даже безотносительно одежды и прически.

И эта картина... Люба не слишком разбиралась в живописи, но расти с сестрой-художницей и совсем уж ничего не усвоить – это надо быть безнадежной тупицей, а Люба ею не являлась. Картина казалась окном в мир посреди серых пыльных рам, и Люба решила. Достав из сумочки носовой платок, она обернула им край рамы и потянула картину на себя. Решение забрать ее с собой было спонтанным, но отчего-то Любе казалось ужасным оставить ее здесь.

Собственное лицо, обрамленное вычурным париком, было словно отражение в зеркале, и Люба не хотела, чтобы ее портрет оставался среди грязи и смрада опустевшей Надиной квартиры.

- Выбросил. – Георгий возник на пороге комнаты. – О... это красиво.

Он смотрел на портрет, словно по-новому увидев Любу: этот слегка вздернутый носик, надменный взгляд, строго поджатые губы. Маленькая снобка, отлично осознающая свое положение среди себе подобных. Она точно знает, как следует поступать, не сомневается ни в чем, мир для нее прост и ясен: вот это – правильно и нужно, вот это – вне ее зоны комфорта, а то и неприлично.

Она, как и он, сама выстроила для себя пространство, которое мало соприкасается с реальностью, но если он просто плывет по течению, то она прогибает реальность под себя. Твердая, как камень, жестокая, как хищник, привыкший выживать, и упрямая, как осел. Если уж приняла решение – ее не сдвинуть.

Все это было на картине так явно, осязаемо, что не обманули Георгия ни изысканные кружева, ни милые локоны, украшенные кокетливой шляпкой, ни роза в белой руке – конечно же, рука идеальной формы, украшенной кольцами... Художник тщательно выписал детали: каждый завиток на кружевах, лепесток, перья на шляпе, украшения – словно фотография, и так же тщательно выписано лицо. Никаких полутонов, никакой недосказанности, и только рука, лежащая на подлокотнике, сжимает батистовый платок, обшитый кружевами, – яростно, даже костяшки побелели. И эта сжатая в кулак рука так контрастирует с безмятежным лицом и спокойно-безразличным взглядом синих глаз... Нет, не все так просто с этой барышней!

– Это ваша сестра рисовала?

– Да. – Люба вздохнула: – Она... она писала совсем другие картины, абсолютно другие по стилю, и это...

– Она была великой художницей. – Георгий тронул пальцами холст, стирая пыль с верхней кромки. – Это... это невероятно!

Люба пожала плечами – парадный портрет, стилизация под старых мастеров, что в нем невероятного? Тут невероятно другое: то, что Надя вообще его написала.

Они давно не разговаривали и еще дольше не виделись.

– Вот ключи. – Георгий подал Любе связку блестящих новых. – Эти замки вполне надежные, но дверь надо будет заменить.

– Да, я так и сделаю. Кстати, я на машине, могу вас подвезти. И вот... деньги, как договаривались.

Она взяла картину и понесла к выходу. Георгий шел следом, глядя в прямую спину, выражающую непреклонность и неодобрение всему, что находится вокруг.

– Я помогу. – Георгий взял у Чистюли картину. Белый платок, испачканный пылью, остался у нее в руках, и она торопливо скомкала его, засунула в какой-то пакетик и спрятала в сумку. – А вы потренируйтесь закрывать дверь.

В подъезде было тихо, и Люба оглянулась на лестницу, но красавчик Декстер не показался. Значит, у Милы все в порядке. С сомнением посмотрев на ручку двери, Люба снова выудила из сумки влажные салфетки, потому что от одной мысли о том, кто мог к ней прикасаться, ее начинало мутить.

Георгий с удивлением наблюдал за манипуляциями Любы с салфеткой, вспоминая свою квартиру, которая давно превратилась в берлогу. Он представил, что сказала бы Люба, попав в его квартиру, и заранее ужаснулся.

Но Люба справилась с замками, сняла с дверной ручки испачканную влажную салфетку и отправила ее в тот же пакетик, что и носовой платок.

– Замки отличные, спасибо. Так вас подвезти?

– Я далековато, на Правом берегу. Но если вы меня подбросите до остановки, буду весьма признателен. А дальше я и на маршрутке отлично доеду. – Георгий мысленно содрогнулся от одного воспоминания о запахах, но виду не подал, а просто перехватил картину другой рукой и забросил на плечо рюкзак с инструментами. – Я хотел спросить... что там произошло? Ну, с той девушкой?

Люба пожала плечами – что случилось с Милой, она не знает, и поговорить они не успели, потому что ввалился этот мужлан и принялся топтать, громко разговаривать и засорять собой пространство, а потом приехал доктор. Весьма симпатичный доктор по имени Ленька.

Люба не любила людей, вторгающихся на чужую территорию, еще с того дня, когда перетасила свои вещи из их с Надей общей комнаты в дальнюю спальню, куда Надя поначалу

вваливалась регулярно, просто чтобы затеять ссору. Она отчаянно пыталась вернуть Любу на свою орбиту, но та вдруг обнаружила в себе непреклонность. Мало того, она поняла, что нужна Наде, та нуждается в ней, но дело было в том, что Надя нуждалась в сестре только на своих собственных условиях, а Любе это не подходило. У нее появилась своя принципиальная позиция, и уступить она не собиралась.

Тем более что в Наде она не нуждалась.

Нет, она продолжала любить сестру, но это было уже скорее инстинктивно, а сознательно Люба понимала: она больше не хочет находиться на той же орбите, что и Надя, она не хочет беспорядочных посиделок в грязных берлогах, не хочет видеть людей, которые там находятся, не хочет иметь ничего общего со всем тем, что было для Нади нормальной средой обитания.

Из всей этой жизни она оставила только отвертку, навыки, которые приобрела, сама того не желая, и несколько раз очень ей пригодившиеся. Сложно милой домашней девочке выжить в огромном городе, особенно если боги не обделили ни внешностью, ни умом.

Но тогда Люба категорически отказалась продолжать жить как раньше. Ей это просто не подходило, и сдвинуть ее с этой точки зрения Надя так и не смогла, да и никто не смог бы, если на то пошло. Поэтому Люба снабдила свою дверь замком, и визиты сестры со временем прекратились. А вот привычка охранять свое пространство у Любы так и осталась.

– Она просто сознание потеряла. – Люба щелкнула брелком сигнализации, и машина подмигнула. – Может, из-за собаки перенервничала. Собака поранилась, конечно, жалко. Хорошая собака.

– Ну, это ротвейлер... – Георгий с сомнением покачал головой. – Они не слишком дружелюбные, мне кажется.

– Да ладно, он милый. – Люба открыла багажник и уложила туда картину. – Садитесь, подброшу вас, рюкзак ведь тяжелый.

Георгий с сомнением взглянул на старенькую «Ауди» но тем не менее уселся в салон, и машина исправно завелась, что было и неудивительно – вряд ли Чистюля потерпела бы неискренность.

– Вот черт...

Какой-то парень бросился буквально наперерез машине, замахал руками, и Люба резко затормозила, нащупывая отвертку.

– Стой!

Георгий покосился на Любу и открыл дверцу машины, она тоже вышла. Парень, отскочив на обочину, уже направлялся в их сторону. Лицо Любы, спокойное и невозмутимое, удивило Георгия. И только рука, сжимающая заточку до побелевших костяшек, сказала ему о новой знакомой больше, чем все, что он видел до этого.

Парень самого бомжеватого вида, и Георгий, сам от себя не ожидая, оттеснил Любу в сторону.

– Тебе чего?

– Это... – Парень покосился на заточку в Любиной руке. – Надьку хоронить когда будешь?

Люба вздохнула – круг общения сестры, похоже, не поменялся.

– Когда тело отдадут. Думаю, в ближайшие дни. Ритуальная служба этим займется.

– Служба... а ты? Ты же сестра! Я тебя сразу узнал, Надька тебя часто рисовала.

Люба вскинула брови – с какой радости ей отвечать?

– Рисовала, да. – Парень откашлялся: – Позавчера видел ее, пивка в гриле попили. Говорила, что скоро все изменится и она уедет отсюда куда-то на юг. Жалко Надьку, хорошая она была баба, хоть и с придурию.

Люба кивнула и вернулась к машине, Георгий последовал за ней. Похоже, Чистюля не слишком жаловала сестрицу, и немудрено, учитывая, какие они разные.

Машина скользнула между домами, Георгий ощутил сожаление – сейчас он выйдет на остановке, а эта барышня уедет в свою чистенькую жизнь.

– Если вдруг что починить надо будет, так я всегда готов помочь. – Георгий не был мастером разговаривать, особенно с женщинами, но попытаться стоило. – Замки там, сантехника, мелкий ремонт.

– У вас есть визитка?

– Нет, не завел, но скажите свой номер, я вам позвоню, и мой у вас высветится. – Георгий понимает, до чего неуклюже выглядит, но тут уж ничего не поделаешь. – Мало ли, а вдруг понадобится.

– Ну, тоже верно.

Люба думает о том, что очень хочет взять Женьку и пойти с ним в парк – качаться на качелях, есть мороженое и радоваться жизни. Но нужно домой, есть работа, и с похоронами надо что-то решать.

И отцу надо позвонить, хотя это, пожалуй, самое неприятное.

4

Бруно спал, и ему снился лес – много деревьев, на которых гнездились что-то темное, угрожающее. Бруно вздрагивал и скулил, понимая, что тело его подвело, лапы неподвижны, а вокруг сгустилась тьма, осязаемая и липкая. И что-то очень теплое врезалось в него, как кусок солнца.

Бруно проснулся – Декстер не нашел ничего лучшего, чем укубить приятеля за ухо, и теперь ухмылялся, как маньяк. Бруно вздохнул и попытался встать, со второй попытки это получилось. Ему хотелось пить, миска с водой была совсем рядом, и Бруно принялся жадно лакать воду.

Из кухни слышны голоса, звяканье посуды – Бруно знает, что его человек дома, и это наполняет душу покоем. Декстер пристроился к миске с водой и тоже аккуратно лакает. Бруно не имеет ничего против: с тех пор как они с Дексом стали жить в этой квартире, они все делили между собой. Запах Декстера был такой же привычный, как их общего человека, потому что спали они, как и положено Стае, на кровати все вместе, с самых что ни на есть щенячьих времен, и играть с Декстером было очень весело. Просто в какой-то момент Бруно понял, что должен соизмерять свои силы: приятель-то оказался по итогу взросления гораздо меньше размером, хотя его зубы и когти заметно окрепли, как и мускулы, а хищность значительно повысилась.

Но, играя, Декстер тоже кусался не всерьез – так, для вида, и сейчас его присутствие было очень уместным. С тех пор как Бруно ранили, они с котом спали вместе, прижавшись друг к другу – совсем как раньше, когда Декс был маленьким и юрким, лазал и прыгал по всем поверхностям в доме. Сам он не умел запрыгивать ни на кресло, ни на кровать, да вообще никуда, лапы были тяжелыми и непослушными, даже по ступенькам не ходил, хозяйка носила его по лестнице. Но Декстер не оставлял приятеля в беде: вскарабкавшись на стол, сбрасывал ему оттуда вкусняшки, которые они вместе и поедали, а потом спали в корзине, ощущая тепло и безопасность.

И главное, у Декстера вообще не было совести: его не волновали возмущенные крики хозяйки. Бруно готов был сквозь землю провалиться, когда хозяйка ловила его за чем-то, чего делать нельзя, а Декстер с независимым видом забирался на стол и презрительно шурился, глядя на шторм, гром и молнии, обрушиваемые на его рыжую голову. Заканчивалось это обычно тем, что провинившегося и изруганного на все корки кота брали на руки и целовали между ушек.

Этой логики Бруно даже не пытался понять. И уж если Дексу что-то взбрело в башку, остановить его можно было, лишь убив, а убивать кота в их Стае совершенно некому.

Бруно прислушался к себе – рана болела, но боль была уже другой. Тем не менее все это вымотало, он не привык быть слабым, его удивляли непослушные лапы, слабость тела, раздражала беспомощность. Боль привела жар, и постоянно хотелось пить. Но сейчас стало немного легче, несмотря на пережитое отчаяние.

Шерсть Декстера еще хранит запах того, другого человека – она пришла в их дом и сделала так, что хозяйка снова задышала. Она бесстрашно обнимала Бруно, успокаивая, ожидая тиска Декстера, и Бруно накрепко запомнил ее запах, а запахи он никогда не забывает.

Бруно прислушался. На кухне люди пили чай, о чем-то говорили, и он не ощущал никакой угрозы, но он запомнил Врага, который напал на его человека. Каким-то своим чутьем он улавливал, что Враг никуда не делся, есть где-то в мире и обязательно вернется, потому что он сродни Дексу – его не остановить.

Бруно вспоминал свою беспомощность и знал, что Враг понимает это. А еще знал, что в следующий раз убьет Врага – как убил того, кто хотел напасть на хозяйку. В последнюю минуту

тот его ранил, но это не важно. Так бывает, что ж. Таков мир хищников: не ты – так тебя, и хотя по итогу Бруно победил, но сегодня он едва не потерял все, что у него было важного – своего человека.

– Как ты, малыш?

Она подошла и села рядом. Декстер тут же подошел и остановился поодаль. Они были Стаей, и это важно. Бруно заскулил и уткнулся в знакомую ладонь. Запах Стаи исцелял пса, и ему хотелось спать, но беспокойство съедало душу.

– Мила, он скоро будет в порядке.

Этот человек пахнет разными неприятными вещами, но его руки, хоть и причиняют боль, все-таки приносят облегчение.

– Ленька, я не могу его потерять.

– Не потеряешь. Он молодой, сильный пес, боец, каких мало, – выкарабкается и будет лучше прежнего. Шрамы украшают мужчин. Ладно, подруга, я побежал – зови, если что. Через четыре часа уколешь его антибиотиком – выставь таймер, чтоб не забыть.

– Выставлю.

Мила думает о том, что кто-то был в ее квартире. Да, она оставила дверь открытой, но этот кто-то... куда он делся? Этажом ниже работал мастер и находилась Люба. Видели они кого-то? Наверное, Люба сказала бы ей. Или нет? Даже если она кого-то встретила на лестнице, то, скорее всего, внимания не обратила: чужой дом, мало ли жильцов!

Но выяснить это надо.

Зазвонил телефон, и Мила вздохнула. Звонка она ждала, но конкретно сейчас она боялась, и это ощущение холодка в животе было новым – Мила давно уже ничего не боялась. Во время своих изысканий она иногда попадала в передраги, но это оставалось вне ее привычной жизни. Было две жизни – там, в старых домах, подвалах, на лесных кладбищах, где она искала спрятанные Предметы, и другая, в которую они с Бруно всегда возвращались. В этой жизни не было места запаху гари, тлена, не было места грязи, пыли, налипшим на обувь листьям. Совсем наоборот: уютная квартира с просторной чистой кухней, маленькой спальней и отлично обставленной гостиной, где стоял круглый антикварный стол красного дерева, принадлежавший еще прабабке ее покойной свекрови. А широкий подоконник перед узким высоким окном, откуда Декстер под настроение управлял Вселенной, словно создан, чтобы по утрам забраться на него с ногами и пить кофе, глядя на просыпающуюся планету, которая начинается сразу за стеклом.

Это было ее пространство.

После гибели мужа и свекрови Мила, справившись с неожиданно обрушившейся на нее бедой, обустроила все так, как ей хотелось. И в этом новом пространстве не было места прошлому. Мила давно поняла: прошлое нельзя изменить, но у него есть одно отличное свойство – оно уже прошло, и его можно просто забыть. Она многое забыла и никогда не возвращалась, и высокопарное выражение «призраки прошлого» было как раз о ее манере архивировать файлы. Все призраки надежно упакованы, запаролены и спрятаны в удаленном архиве.

Ну, вот не было в ее жизни... да никого не было, а есть лишь то, что сейчас. И в свое новое пространство Мила не впустила никаких призраков. Муж и свекровь были добры к ней, но вспоминать о них она категорически не хотела – их ведь уже нет, зачем причинять себе боль бесполезными переживаниями.

Она любила мужа, да и со свекровью отлично ладила. Они сумели стать ей семьей, и она была очень счастлива, но когда их не стало... Мила думала, что все рухнет, но ничего не рухнуло. Она проснулась наутро после похорон в квартире с занавешенными зеркалами, поплелась на кухню, где в холодильнике стояла кастрюля с остатками приготовленного свекровью борща. Солнце осветило убогую мебель, затертый линолеум, и она ощутила себя запертой.

И тогда Мила поняла, что нужно выбираться.

Она уже один раз сделала это – выбралась из ямы, куда была брошена по праву рождения, а теперь у нее гораздо больше возможностей.

Мила выбралась, нашла Игру и преуспела, что позволило ей за год полностью изменить свою жизнь. Она выбросила всю мебель, содержимое шкафов и буфетов. Упрятала подальше старые семейные альбомы – это были альбомы ее мужа и свекрови, и Милы в них совсем чуть-чуть, так что жалеть не о чем. Какие-то вещи, которые имели значение для погибших, а для нее нет, – она, в принципе, не понимала, зачем цепляться за вещи.

Мила выбралась и сейчас тоже выберется. Тем более что теперь у нее Стая.

Мила принесла их в дом два года назад: нашла в Интернете питомники и поехала на такси. Сначала забрала Бруно, потом Декстера, и они ехали в одной корзинке: Бруно жалобно скулил, малыш Декс злобно шипел, распушившись до невозможности, а она гладила их и знала, что теперь не одна.

В ее новую жизнь они вписались, словно лишь их не хватало для счастья в этой красиво отремонтированной квартире. А может, и правда, именно их и недоставало, потому что с тех пор, как они впервые уснули вместе на Милиной кровати, ее пространство обрело равновесие.

А теперь она боялась, потому что кто-то вломился в ее мир. И меньше всего ей сейчас хочется отвечать на звонки, но ответить надо.

Звонил заказчик, и Мила понимает, что сказать ему о том, где именно она нашла Предмет, сейчас опасно. Она не могла оказаться тогда в том месте. Мила засунула труп того, кто поранил Бруно, в ту же бочку, рядом с которой уже горел неизвестный, надеясь, что огонь скроет следы. И нож, которым тот поранил ее пса, тоже бросила в пламя – огонь уничтожил и отпечатки, и следы крови. Она выплеснула в бочку весь бензин, что возила в багажнике, и масло тоже. Убитый оказался невысоким и очень худым, удивительно, что он вообще посмел напасть – он не мог не заметить собаку и должен был понимать, что нож может и не спасти. Зачем же ему понадобилось нападать, если он мог просто подождать, когда они с Бруно уйдут?

Или он хотел отнять Предмет? Но это запрещено Правилами. А еще это значит, что искать несостоявшегося убийцу никто не станет.

Но по-хорошему надо съездить туда и посмотреть, и если труп не сгорел, нужно снова поджечь бочку, чтоб уж наверняка.

И хотя она тщательно вытерла место, где лежал Бруно – собачья кровь могла привлечь внимание, а у собак тоже имеется ДНК, – но сейчас сомнения закрались: а вдруг негодяй не сгорел? Она тогда теряла время, рискуя жизнью Бруно, но тщательно засыпала мусором то место, которое протерла, и этим она спасала их обоих. Или думала, что спасала, потому что, если труп не сгорел, если его найдут, если смогут выяснить, что его убило, обнаружат остатки крови, выделяют ДНК... А его найдут, если выжил спасенный ею парень, он-то скажет, где именно с ним случилась беда!

Бруно могут убить. То, что ее посадят, – полбеды, хотя как тогда быть с Декстером? Но Бруно убьют, и этого она допустить не должна. А потому нужно съездить и протереть место, где пролилась кровь, отбеливателем. Пусть тогда попробуют найти ДНК, ага! Еще надо вылить в бочку канистру бензина, банку масла и снова все там поджечь, чтоб уж наверняка.

Но кто напал на нее сегодня, если в бочке сгорел тот, кто видел их в том старом мертвом доме? Кто-то все-таки их нашел, и когда этот человек поймет, что она выжила, он вернется.

Но сейчас надо разобраться с заказчиком.

– Деньги вами получены?

Голос заказчика нейтральный, но Милу это не обмануло – он нетерпелив.

– Да, все получила. Извините, что задержалась с отправкой, у меня беда с собакой случилась: напоролся на острую арматуру, потребовалась операция. Но Предмет уже отправлен вам, ожидайте.

У всех есть слабое место, а этот заказчик – заядлый собачник. Идеальный, можно сказать.

– О... – В его голосе сочувствие. – И как он? Антибиотики колете?

– Да, назначили. – Мила вздохнула: – Чуть не потеряла его, было столько крови...

– Во дворах, как видно, тоже небезопасно. – Заказчик явно не намерен предъявлять претензии. – И как он сейчас?

– Очень слаб, но доктор сказал, что восстановится. Нужно время, да. Мне жаль, что вам пришлось ждать, я забрала все еще третьего дня, но...

– Но такие исключительные обстоятельства... – Заказчик прокашлялся: – Если будет нужна консультация хорошего ветеринара – обращайтесь, я готов всецело вам помочь. Он поднимается?

– Вчера еще нет, а сегодня уже ненадолго смог встать, я же ему лоток поставила.

– Ну, значит, дело на поправку пойдет. А мне снова нужна услуга.

– Сейчас никак. – Мила вздохнула: – Только послезавтра. Мне же собаку надо будет оставить, я его без присмотра бросать не хочу, а чужого, сами понимаете, он к себе не подпустит. Попрошу побыть с ним подругу, которую он хорошо знает, но она то ли сможет завтра, то ли нет – а послезавтра точно.

– Ладно, послезавтра – нормально. Лечите парня, выздоравливайте. Если станет хуже – набирайте без стеснения в любое время, пришлю вам хорошего врача.

– Спасибо вам, мне это очень важно – знать, что я не одна...

Мила ухмыльнулась – люди в своей массе управляемы, нужно просто дать им то, чего они ждут, а этот заказчик болен неизлечимым мачизмом, и для него она сыграла беспомощную, но стойкую барышню, которая борется за жизнь своего пса... Последнее, конечно, было правдой, иначе блеф не удался бы, но теперь она заслужила полное расположение заказчика, который был фигурой весьма непростой. Нужно стараться не врать, а просто расставлять акценты в нужных местах.

Предмет она и правда отослала несколько часов назад, несмотря на то что оставить Бруно одного было ужасно, да только она никогда не приносила Предмет домой, это было ее железное правило, вот и на этот раз контейнер лежал в багажнике машины на охраняемой стоянке, и сегодня она отправила его по адресу. Но по уговору с заказчиком она должна была сделать это двумя днями ранее – и забрать, и передать, – но вышло так, как вышло, что ж.

Это была Игра, она искала Предметы для игроков, и делала это с легкостью, потому что проникать в места, где люди обычно не бывают, не составляло для нее труда. Иногда это были весьма дорогостоящие Предметы, но они не вызывали у Милы желания оставить их себе, а иной раз она содрогалась при мысли, что кто-то платит большие деньги, дабы первым заполучить такой ужас. Для нее это был просто Предмет, она находила и отсылала, получая за это хорошее вознаграждение.

И без Бруно ее работа не была бы такой эффективной.

Снизу слышится стук – кто-то с силой колотит в запертую дверь. Раньше это случалось крайне редко – Надежда обычно обреталась дома, да и дверь не запирала, и вся шантрапа, бездельники и праздношатайки, обитающие в окрестностях, беспрепятственно попадали в ее берлогу.

Мила злорадно ухмыльнулась, вспомнив чистенькую, идеально одетую и причесанную Любу.

– Да, ребята, теперь вашему притону пришел конец. То-то все обрадуются.

Соседей было немного, всего шесть квартир, но все жильцы дружно ненавидели и Надежду, и ее визитеров, не раз вызывая полицию, когда шум по ночам переполнял чашу всеобщего терпения. Только абсолютно глухая Анна Витальевна, старушка восьмидесяти пяти лет, живущая в квартире напротив Милиной, продолжала здороваться с Надеждой. Но это просто потому, что на ночь она снимала слуховой аппарат.

С первого этажа слышались возбужденные голоса – кто-то из соседей отреагировал на грохот. Мила слышит перепалку на лестнице и думает, что абсолютно напрасно отпустила бородатого парня с инструментами. Надо было попросить его сменить замки, а еще лучше – установить изнутри крепкую задвижку.

Впрочем, и сейчас не поздно, вряд ли он успел отойти далеко от дома. Надо позвонить Любе, узнать телефон мастера...

В дверь позвонили, и Мила снова ощутила укол страха. Это буквально взбесило ее – из-за какого-то сукина сына она уже каждого шороха боится, в собственном доме чувствует себя уязвимой!

Она осторожно заглянула в глазок – за дверью топчется Ирка с первого этажа. Возможно, хочет, чтобы Мила оказала ей моральную поддержку, но дело в том, что именно сейчас это не помешало бы самой Миле.

Взяв себя в руки, она открыла дверь, понимая, что с соседями надо поддерживать хорошие отношения.

– Милка, так Надька что... того? Померла?

Ирина – самозабвенная сплетница, но именно это ее качество иногда оказывается весьма полезным.

– Да, ночью. – Мила выходит из квартиры и прикрывает дверь перед носом у Декстера. – Как же ты пропустила?

У Ирины, несмотря на вполне еще молодой – тридцатилетний – возраст, уже проявились все тактико-технические характеристики типичной околоподъездной бабки: она дневала и ночевала у глазка и у окон, наблюдая за соседями. И как она пропустила действие в квартире Надежды, Мила представить себе не может.

– На даче ночевали с Олегом! – Ирка с досады готова сама себя пнуть. – Олег говорит: поедем да поедем, Лешку с мамой оставим, а сами... свечи там, шампанское, освежить чувства. Ну, освежили, а тут приезжаю – на тебе, Надька померла, полиция была, а я полчаса назад приехала и не видала ничего... Так что там было-то?

– А тебе мать не сказала?

Иркина мать, миниатюрная и очень элегантная, была абсолютно чужда любой мышинной возне, и вопрос этот Мила задала с подковыркой, конечно же.

– Как же, добьешься от нее... Ты-то хоть видела все это?

– Нет, не видела. Ездила по делам, а когда вернулась, никого уже не было. Зато познакомилась с Надькиной сестрой, ее для опознания приглашали. Вроде как сердечный приступ, но это неточно.

– И как теперь с квартирой?

– Так я тебе говорю: у Надежды, как оказалось, родная сестра имеется. Погодки они, представляешь? Но выглядит девушка лет на десять моложе Надьки.

– Ну а что ты хотела, Надька-то пила, в последние полгода вообще на стакане очень плотно сидела, и похоже, не только на стакане, кого это красит...

– Ну, вот и я о том же. – Мила вспомнила чистенькую, идеально причесанную Любу и подумала, что она всем соседям очень понравилась бы. – Я к Надьке спустилась – что-то на лоджии у нее стухло, – а там эта ее сестра. Кстати, кроме того, что она отлично выглядит, сама по себе очень приятная. Сестра Надькина, в смысле. Вот от нее я и узнала, что стряслось.

– То есть она не такая пришибленная, как покойница?

– Совсем не такая. – Мила вдруг вспомнила абсолютно холодные глаза Любы, когда та сидела рядом, сжимая в руке опустевший шприц. – Во-первых, она еще живая.

Ирка вытаращилась на нее, но через минуту до нее начало доходить, что Мила так шутит.

– Ну, хоть ты-то не кривляйся, мало мне мамаша припадочной. Вечно пилит: ты сплетница, занимайся своими делами... как будто что-то плохое – знать, что в доме происходит, это же вопрос безопасности! Так что там сестра Надькина?

– Она очень приятная. Порядочная, явно совсем непьющая и успешная девушка, идеально одетая, воспитанная и вежливая. Я мимо шла, а там мастер как раз дверные замки менял.

– Боже ж мой... – Ирина покачала головой с явным сожалением. – Ну, вот что мне было хоть на часок раньше приехать, так ведь на Олега такой стих нашел – освежить, мать их, чувства! А сегодня пока выпались, то да се, все пропустила... Ну, одно хорошо: перестанут шляться в подъезд алкаши со всего района.

– Когда они все поймут, что лавочка закрылась, а так-то по привычке еще какое-то время будут ходить.

– То-то Митька туда сейчас колотился. – Ирина досадливо нахмурилась: – Лешеньку мне напугал, я вышла и прогнала его, а сама думаю: чего это заперто у Надежды, а оно вон чего – накрылась их малина, значит. Ну, слава богу, прибрал от нас докуку, настанет покой, теперь можно будет на подъезд кодовый замок поставить и жить как люди.

Кодовый замок – это был больной вопрос. В доме три парадных, и только их входная дверь стояла настежь, открытая всем ветрам. А ветры эти заносили в подъезд алкашню и любителей испражняться в закрытом помещении. Это весьма угнетало жильцов, но все попытки закрыть подъездную дверь от посторонних всякий раз заканчивались одинаково: замок оказывался сломан, а то и вырван буквально с корнем, что было, впрочем, нетрудно сделать – дверь старая, деревянная, а металлическую поставить не могли, потому что Надежда отказывалась участвовать в расходах.

– Дверь сменим на металлическую, сестрицу Надькину подтянем, пусть раскошеливается, если на всех раскидать, то сумма вполне гуманная получается. Ей тоже прямой профит: не будет алкашня колотиться, а на металлическую дверь замок хороший приладим. Всяко лучше, чем сейчас: заходи любой, грабь кого вздумается, да еще и гадить перестанут, что тоже немаловажно, ведь провонял подъезд дерьмом и прочей гадостью, бывает, что и в квартире вонь чувствуется. Ты телефончик мастера-то не догадалась взять?

– Не догадалась. – Мила пожалала плечами. – Но телефон Надькиной сестры взяла, а у нее точно есть номер мастера.

– Ну, и то хлеб. – Ирка оперлась спиной о стенку, всем своим видом давая понять, что уходить не собирается. – Слушай, я тут подумала: с чего бы ей вот так взять и враз помереть, а? Ведь здоровая была лошадь, несмотря на пьянку, да и квасить так – это ж какое здоровье надобно! Давеча смотрю – идет она, еле живая, синяя от пьянки, морда опухшая...

– Так ты в глазок видела?

– Сперва в глазок, потом из окошка. – Ирка хмыкнула: – Вот к тебе сегодня утром парнишка приходил, потом вы вместе уехали.

Мила понимает, что этой фразой Ирка спрашивает у нее, что за парень, и в другое время она бы нипочем не пустилась в объяснения, просто из вредности, но сейчас нужно, чтобы сплетни не расползались.

– У меня собака на арматуру напоролась, доктор навещал его после операции, потом я его отвозила и сама по делам съездила. – Мила вспомнила, как накануне они с Ленькой тащили Бруно домой и она лихорадочно соображала, где ключи. – Сейчас вот лежит, выздоравливает...

– Да что ты говоришь! – Ирка сочувственно округлила глаза. – Боже, как жаль! Вот видишь, это от беспорядка, люди бросают куда попало всякое, а несчастная собака поранилась. А вчера ты не слыхала, что у Надьки было?

– Как раз вчера Бруно и поранился, так что тут вполне мог «Титаник» затонуть, а я бы и внимания не обратила, не до того было. Хотя я в принципе не имею привычки прислушиваться, что там у кого за дверью, и в окна редко смотрю, своих дел полно.

Мила мысленно ухмыльнулась – эта фраза означала, что у соседки вовсе нет никаких дел, кроме как подслушивать под чужими дверями да у окна торчать, подглядывая за соседями.

– Ну, теперь-то тишина будет. Вот хорошо, что все закончилось, наступит покой, пожием как люди.

Сообразив, что лягнула, Ирка спохватилась, но слово, как известно, не воробей.

– Нет, конечно, очень жаль, что умерла, какая б ни была, а все живой человек...

Но слова эти прозвучали до того фальшиво, что Ирина и сама это поняла, а потому, дабы сохранить лицо, резко заторопилась:

– Ладно, заболталась я с тобой, а у меня там Лешенька...

Лешенька – Иркин пацан, малолетний преступник четырех лет от роду, от которого не было жителя ничему живому в радиусе километра. Причем злодействовал он из самых добрых побуждений: ну как не сжать в объятиях котенка, когда он так прекрасен? Счастливо хохотать и реветь, потому что котенка отняли. Или как не бросать песок во все стороны, если от этого поднимается вихрь песчинок и Лешенька ощущает себя стихией воздуха? Или как не... Да никак. Все, до чего дотягивался Иркин сын, меняло свои свойства и никогда уже не становилось прежним.

И напрасно она сейчас торопится выполнять материнский долг, потому что справиться со своим отпрыском Ирка все равно не в состоянии, а занимается им ее мама, маленькая металлическая Инга Филипповна по прозвищу Железный Феликс. В ее руках Лешенька идет верной дорогой, при этом шаг влево, шаг вправо – и конвой в виде бабушки Инги принимается без предупреждения палить из всех подручных средств, и внук это прекрасно знает.

Остальных граждан вне личного состава конвоя малолетний рецидивист категорически не замечает, включая собственных родителей. И теперь Ирка, торопящаяся навстречу собственному страху в виде Лешеньки, кажется еще более фальшивой, чем когда минуту назад выражала сожаление по поводу безвременной кончины всеми ненавидимой и дружно презираемой Надежды.

– Ага, давай. – Мила ухмыльнулась: – А мне пора делами заняться.

– Ну какие у тебя дела, ни мужа, ни детей, живи да радуйся. – Ирка вздохнула: – А тут как на каторге, еще и маман донимает.

– Так на кой хрен ты замуж выходила, если каторга? – Мила терпеть не могла подобные разговоры. – Жила бы и ты в свое удовольствие.

– А вот дура была... да и мать тоже: «Без росписи ни-ни, узнаю – убью», и ведь убила бы, я ж ее знаю.

– То есть ты вышла замуж, чтоб легально трахаться? – Мила фыркнула: – Ну, тогда кто тебе доктор!

Ирка обиженно поджала губы и развернулась к выходу.

– Кстати, а ты сегодня утром тут – ну, чисто случайно – никого не видела? В смысле, чужих? – уточнила Мила.

– Говорю тебе – полчаса назад как вернулась, все пропустила.

– Да ладно, на твой век хватит трупов. – Миле доставляет огромное удовольствие подкалывать соседку. – Народу много, глядишь, вскорости еще кто-то лапты склеит, а ты тут как тут.

– Да вот кабы так-то... – Ирка горестно вздохнула, но потом, спохватившись, охнула: – Вот вечно ты меня подловишь и заставишь лягнуть что-то такое!

– Да кто ж тебя заставляет? – Мила засмеялась. – Сама ведешься на все.

– Ира!

Та выглянула в просвет перил:

– Чего тебе?

Голос Мила узнала – это Иркин муж Олег, серьезный молодой мужик. Вроде бы занимается какими-то перевозками, но это не точно. Иркину болтовню насчет мужа Мила не слушала, но всегда удивлялась, что нашел Олег в ее соседке.

– Мать спрашивает, куда ты подевалась.

– Видала? – Ирка поморщилась: – Минуты не дадут, контролируют, будто я соплиха какая.

Олег поднялся на один пролет лестницы, и Мила кивнула ему. Нормальный мужик – самый обычный, но очень аккуратный, всегда подтянутый, даже сейчас одет в джинсы и клетчатую рубашку, в отличие от жены, замотанной в цветастый махровый халат. А вот поди ж ты – живут и даже ездят чувства освежать!

Олег с тещей пребывали в состоянии вооруженного нейтралитета. Инга Филипповна признавала, что зять нормальный и деловитый мужик, но то, что он женат на Ирке, нивелировало в ее глазах все достоинства парня. А Олег уважительно называл тещу «мать» и признавал ее лидерские качества во всем, что касалось дома, но не в отношении себя. И только Ирка была там камнем преткновения. Самое смешное – Лешка невероятно любил именно мать, хоть в грош ее не ставил. Но всякий раз, засыпая, крепко обнимал ее и ложиться без матери вообще отказывался.

– Ир, мне по работе надо, а мать там...

– Да иду я, иду! – Ирка кивнула Миле: – Ладно, пока.

– Как же это Леха вас отпустил на дачу?

– Я ему машину электрическую пообещал. – Олег ухмыльнулся: – А Ирина ему по телефону сказки рассказывала да сопли разводила, пока не уснул.

Вернувшись в квартиру, Мила тщательно заперла замки, ощущая всю бесполезность данного действия – тот, кто проник к ней в дом один раз, с легкостью сделает это еще раз.

Бруно крепко спит, Декстер, пристроившись рядом, тоже дремлет, но когда вошла Мила, кот лениво приоткрыл глаза, давая понять, что он тут и Вселенная в порядке, украшена его присутствием, как полагается.

– Нет, определенно нужна задвижка на дверь. А завтра поеду *туда*, только металлическую канистру надо приобрести.

Мила достала телефон и набрала Любин номер.

* * *

Бруно спал и во сне снова видел Врага, его запах был явственный и так близко...

Никто раньше не преследовал их, хотя они бывали в местах, где лучше бы не появляться, но впервые случилась беда. А после пришел Враг, и Враг этот где-то рядом.

Бруно проснулся, зарывав. Декстер лениво повернул к нему голову – ты что, мол, приятель? Мы дома, все хорошо.

Но Бруно знал, что ничего хорошего. Запах чужого, который напал на хозяйку, доносился откуда-то из-за двери.

– Поешь немного?

В миске его любимая еда – свежее мясо, порезанное небольшими кусочками, которое раньше он проглотил бы в мгновение ока, вылизав миску, – но сейчас есть не хочется.

– Ну, совсем немножко, малыш! Тебе нужны силы.

Бруно слышит ласковую просьбу в голосе – и нехотя съедает немного, просто показывая, что он готов идти навстречу. Еда была по-прежнему вкусной, и Бруно сразу почувствовал себя лучше, но съесть больше не смог.

– Ну, хоть так. Декстер! Совесть имей.

Как раз совести у кота и не было, а рационализм присутствовал. Именно он подсказал Дексу, что хороший продукт не должен пропадать.

В дверь позвонили, и Бруно, вскинувшись, зарычал.

– Тише, мальчик. – Мила осторожно прошла в прихожую и заглянула в глазок. – Ну надо же!

Что-то влетело в отверстие, и она, не успев даже удивиться, нырнула во тьму.

5

Георгий не ожидал, что Люба так решительно развернется и повезет его обратно. Когда позвонила Худышка, он даже крикнул досадливо – ну, не могла сразу сказать? Ползи теперь обратно, да еще с тяжеленным рюкзаком. Но идея вернуться домой, в пустую квартиру, вдохновляла Георгия еще меньше.

Он совсем уж было собрался попросить Чистюлю остановиться у ближайшей остановки, но машина свернула на боковую улицу, и Георгий понял, что они возвращаются.

– Так скорей будет. – Люба аккуратно объехала яму, наполненную грязной водой. – Дороги – просто мрак... Иногда я хочу, чтобы начальника дорожного хозяйства по ним со сломанными ногами в больницу везли.

– Жестоко...

– А ремонт ходовки, думаете, не жестоко?

Они припарковались на прежнем месте, и Георгий достал с заднего сиденья рюкзак.

– Пойду с вами, нужно кое-что с Милой обсудить, а я поторопилась и забыла.

Они вошли в настежь открытую дверь подъезда и поднялись на третий этаж.

– Вот дерьмо...

Георгий даже вздрогнул – уж таких слов он от Чистюли не ожидал. Но по сути был согласен – глазок разворочен, и за дверью скулит и плачет пес.

– Бруно! – Люба прижалась к двери. – Мы сейчас, малыш, мигом! Чего ты стоишь, открой дверь!

Георгий, на миг впавший в ступор, полез за инструментом.

– Может, полицию вызвать?

– Вызову, открывай. – Люба снова прижала руки к двери, словно пес мог это почувствовать. – Сейчас, маленький, мы уже тут!

Выудив из сумочки сотовый, она набрала номер «неотложки».

– Огнестрельное ранение, предположительно в голову. Женщина, примерно двадцать пять-двадцать семь лет. Да, пока жива.

Георгий, ковыряя замок, покосился на Любу:

– Откуда ты знаешь, что она жива?

– Была бы мертвая, собака вела бы себя иначе. – Она снова набрала какой-то номер. – Дядя Андрей, это Люба. Я у Нади, тут с ее соседкой стряслась беда. Огнестрельное ранение, скорее всего в голову. Мы пока дверь открываем... ну, я и мастер, который менял замки в Надиной квартире. Как откуда знаю? В глазок стреляли, куда при таком раскладе ее еще могли ранить? Собака скулит, значит, жива. Спасибо, дядя Андрей, а то я совершенно растерялась.

На растерявшуюся Люба не была похожа абсолютно: все та же аккуратная прическа и спокойное лицо, никаких дрожащих рук или сбившейся одежды. Она открыла сумку и засунула телефон в какое-то отделение – вероятно, именно в то, которое для него предназначено.

– Сейчас...

Георгий думает о том, что за дверью крупная собака, находящаяся в стрессе. И как она среагирует...

– Скорее!

Минуты идут, и Георгий понимает, что вместе со временем утекает жизнь Худышки. Но пока собака скулит – Люба правильно сообразила, – девчонка жива. А замки отличные, такие просто так не открыть. И хотя нижний уже поддался, верхний упрямится.

– Ну, что ты возишься?

– Сейчас... – Георгий отчаянно торопится, но в таком деле спешка только помеха. – Я же не взломщик, универсального ключа у меня нет... Вот, уже подается, сейчас!

– Ты не заходи – кто знает, как Бруно на тебя среагирует. Но если выскочит кот, не дай ему сбежать.

Замок щелкнул, Люба отодвинула Георгия и вошла в прихожую. Пес заскулил еще громче.

– Тише, мальчик, тише – видишь, она жива.

Георгий заглянул в приоткрытую дверь. Худышка лежала на полу, из-под ее головы расплылось кровавое пятно.

– погоди, сейчас...

Люба прошла в комнаты, а собака снова заскулила и принялась вылизывать лицо хозяйки.

– Вот так... – Люба прижала к голове раненой девушки толстое полотенце. – Ну, где же они, хотела бы я знать!

По лестнице уже топчет кто-то, и Георгий надеется, что это медики – но это не они, а двое парней. На них нет формы, но то, что это полиция, сразу ясно.

– Вот, чисто случайно рядом оказались. – Плотный мужик лет сорока с небольшим вопросительно посмотрел на Георгия: – Что?...

– Там. – Он кивнул в сторону двери. – Осторожно, еще собака.

– Ну, собака нам не мешает. – Второй парень отодвинул Георгия. – Вить, присмотри тут.

Присмотри – за ним, за Георгием, и это ясно как день. Первый, который Витя, подмигнул Георгию, а второй достал пистолет. Видимо, с собаками он привык общаться только так.

– Полиция, я захожу!

– А «Скорая» где? – Любин голос утонул в рычании Бруно. – Тише, мальчик, тише! Да входите вы, но осторожно... А пистолет вам зачем, в кого вы тут собрались стрелять?

Парень открыл дверь пошире, и стало видно, как Люба сидит рядом с лежащей девушкой, придерживая пса. При взгляде на полицейского в ее глазах промелькнуло изумление – и немудрено, парень так очевидно красив, что даже Георгию это ясно. А уж для барышень он смертоносен, и хотя на его руке блестит обручальное кольцо, Георгий думает о том, какое впечатление производит этот полицейский на женский коллектив планеты.

Именно такое, как и ожидалось – Чистюля вытаращилась на него, словно не веря своим глазам. Георгий с удивлением почувствовал что-то вроде укола ревности.

– Так, ясно... «Скорую» уже вызвали?

– Первым делом. Я же знала, что она жива.

На лестнице показались две дамы в форменных куртках работников «Скорой».

– Собаку надо убрать, медики должны делать свое дело. – Красивый парень с опаской смотрит на Бруно. – Кто сможет?

– Сейчас. – Люба осторожно коснулась головы пса. – Давай, мальчик, давай отодвинемся – ей надо помочь, мы же хотим, чтобы она выжила. Ну, не упрямясь.

Бруно хотел зарычать, но рычать на тех, кто в Стае, нехорошо. А этот человек уже в его Стае, пес хорошо это понял.

– Ну, давай же, будь хорошим мальчиком. – Люба осторожно отодвинула пса. – Нужно позвонить твоему доктору. Идем, малыш, идем.

Пес неохотно отодвинулся, на его бинтах проступила кровь.

– Мила говорила, что он на арматуру напоролся. – Люба ответила на немой вопрос полицейского. – Скажите, а дядя Андрей когда придет? Мне нужно с ним поговорить, тут примерно час назад кое-что случилось.

– Он едет. Просто мы были в соседнем квартале, поэтому так быстро приехали, а генерал едет из управления. – Полицейский покосился на собаку. – Но мне вы можете рассказать то же, что и ему, у нас секретов нет. Я подполковник Реутов.

– Конечно. – Люба помогла Бруно переместиться на прежнее место. – Где же Декстер...

Кот обнаружился на шкафу, куда предусмотрительно влез, спасая свой драгоценный мех.
– Так что вы хотели мне рассказать?

– Люба!

В комнату вошел генерал Бережной, и Люба, к неудовольствию Реутова, бросилась к нему:

– Дядя Андрей!

Реутов терпеть не мог всякой семейственности, из опыта зная, что работать, когда замешаны друзья или члены семьи, сложнее. Но тут он уже ничего не мог поделать – девица была приглядная, очень добропорядочного вида, к тому же в ее присутствии собака вела себя смирно.

– Любочка! – Генерал обнял ее. – Жаль, что при таких обстоятельствах... Денис, это моя племянница, дочь младшей сестры.

Реутов понятия не имел, что у генерала имеется сестра, пусть даже младшая. Он никогда ее не встречал, и это было странно – генерал и его жена любили устраивать шашлычные посиделки, куда Реутов всегда был зван. Также приглашались все друзья и родственники, но ни о какой сестре генерала Бережного речи не было, а уж о племянницах тем более.

Либо сестра умерла, либо они с генералом не общаются.

– Понял. – Реутов вдруг обнаружил то, что ранее ускользало от его внимания, – фамильное сходство. – Глаза у вас похожи.

– Да, как у нашей с Нелей матери. – Бережной вздохнул. – Так что ты хотела рассказать?

Люба поискала глазами шприц – если только Мила не подобрала и не выбросила, он должен быть здесь.

– А, вот, так я и знала. – Она подняла шприц, закатившийся за ножку стола. Иголка в защитном колпачке так и лежала на столике. – Конечно же, Декстер не мог пройти мимо.

Кот с высоты шкафа и собственного величия смотрел на возню с высокомерной миной аристократа, обнаружившего в своей спальне собачью кучку.

– В общем, потерпевшую увозят, я с ней. – В комнату заглянул второй полицейский. – Позвонил уже Валентину Семенычу, он ждет.

– Правильно, она нам живая нужна. – Бережной кивнул. – Езжай с ней, Витя, и будь рядом постоянно, вызови пост для охраны, и пусть организуют отдельную палату, чтобы смотрели в оба. Убийца узнает, что жертва выжила, во второй раз промашки не даст, под это дело и охрану запросто положит вместе с девчонкой, чтоб два раза не вставать.

Люба терпеливо ждет. Ей обязательно нужно поговорить с дядей, объяснить, что уже было одно покушение. А еще сказать, почему они с Георгием вскрыли дверь, и насчет Бруно, а еще надо взять Милин телефон и найти номер доктора, который лечил собаку.

А еще она понимает, что животных придется забрать с собой.

Можно, конечно, временно переселиться в эту квартиру – но она ни за что не приведет своего ребенка в место, куда уже дважды наведывался убийца. А о том, чтобы жить в Надиной квартире, речи быть не может, там сначала нужно обработать поверхности огнеметом, потом сделать ремонт, и уж потом, возможно... и то нет. Так что хочешь не хочешь, но животных придется забрать.

А сейчас надо поговорить с дядей.

– Так, понятно. – Бережной хмуро смотрит на Любу. – После первого покушения ты не соизволила мне позвонить.

– Как-то даже руки не дошли. Сначала не до того было, потом заболтались и не обсудили...

– Понятно. – Бережной вздохнул: – Люба-Люба, нельзя же быть такой растяпой! Ну что значит – руки не дошли? На барышню кто-то охотился, при этом отлично зная, что собака ранена и не защитит ее. Убийца далеко не ушел, раз понял, что она каким-то чудом выжила

после первого нападения. Ведь никому и в голову не пришло, что ты таскаешь с собой ампулу адреналина. Вот он и вернулся доделать дело.

– Похоже, первое нападение было спланированным, ей вкололи что-то – ну, сердечный приступ у дамы, бывает. А второй раз уже не церемонились, значит, дело было спешное. – Реутов старается не делать резких движений, потому что ротвейлер заметно нервничает. – Ладно, а вернулись вы почему?

– Мила позвонила с вопросом о мастере, который менял замки в квартире сестры, телефон хотела взять. Собиралась задвижку установить и даже поменять замки.

– Логично, если учесть, что убийца свободно вошел в квартиру в первый раз. Либо у него были ключи, либо он гений взлома, либо она квартиру не заперла, когда спустилась, и кто-то к ней проник, пока вы болтали в квартире у Нади. – Бережной прошелся по комнате, Бруно зарычал. – Тише, приятель, тише. Куда ж его теперь? И кота тоже... Люба, а зачем ты меняла замки в квартире Надежды? И сама она где?

– Ой... а разве я не сказала? – Люба в ужасе прикрыла рот ладошкой. – Боже, какая же я тупица...

– Что?!

– Дядя Андрей, Надя ночью умерла. Утром полиция меня сюда вызвала, опознать тело, и...

– Умерла?! – Бережной даже отшатнулся. – Люба, как это – умерла? Что случилось?

– Говорят, сердечный приступ. – Люба растерянно смотрит на полицейских. – Я не знаю, ее утром увезли на вскрытие, и мне пока не звонили.

– И ты только сейчас мне об этом говоришь?

Люба потрясенно смотрит на дядю. Конечно, она сглупила, откуда ему было знать о смерти Нади.

– Ладно, я разберусь. – Генерал нахмурился: – Так ты познакомилась с потерпевшей только сегодня?

– Я вот сообразила сейчас. – Она испуганно смотрит на полицейских. – В первый раз он вошел, наверное, потому, что Мила ко мне спустилась, а дверь не заперла.

– Откуда ты знаешь, что не заперла?

– Кот за ней следом выбежал. – Люба кивнула в сторону Декстера. – Дверь тяжелая, кот ее не откроет сам, а значит, Мила оставила ее приоткрытой.

– Логично. – Реутов понимает, что племянница генерала, кроме внешности, оснащена неплохими мозгами. – А зачем потерпевшая к вам спускалась?

– На балконе Надя мясо держала – вот оно там и разлагалось, запах... Ну, Мила спустилась поругаться – думала, Надя дома. Теперь я понимаю, что утром, когда забирали тело, Милы дома не было.

– Понятно. – Генерал о чем-то думает. – А животных теперь куда же?

– К себе заберу. – Люба с сомнением смотрит на собаку. – Ничего, в тесноте, да не в обиде. Собака ранена, нужен уход. Мой Женька будет в восторге.

– Ага, будет.

Люба понимает, что нужно поискать телефон Милы, но отдавать его полицейским она пока не хочет, ей нужен номер того доктора.

– Ладно. – Бережной потрепал Любу по руке. – Денис Петрович, ты организуй сюда экспертов, и... кстати, Люба, ты больше ни во что не вмешивайся, езжай домой. А ты...

Его взгляд обратился на Георгия, и тот едва сдержался, чтоб не попятиться.

– Поможешь ей?

– Конечно, – Георгий кивнул. – Тут еще такое дело... я замки открывал. Ну, когда поняли, что девчонка жива... вернее, Люба поняла, а я-то... Так вот: до этого они взломаны не были. Сейчас-то, конечно, этого не понять уже, открывал я их быстро, об аккуратности не думая, но

я со всей ответственностью заявляю: до этого замки находились в целости. Кто бы ни проник в квартиру днем, замки он не ломал. Вошел в открытую дверь – но тогда он должен был видеть, что хозяйка вышла, не заперев ее, и собака бы залаяла... или зарычала. Не тот это пес, чтоб смолчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.